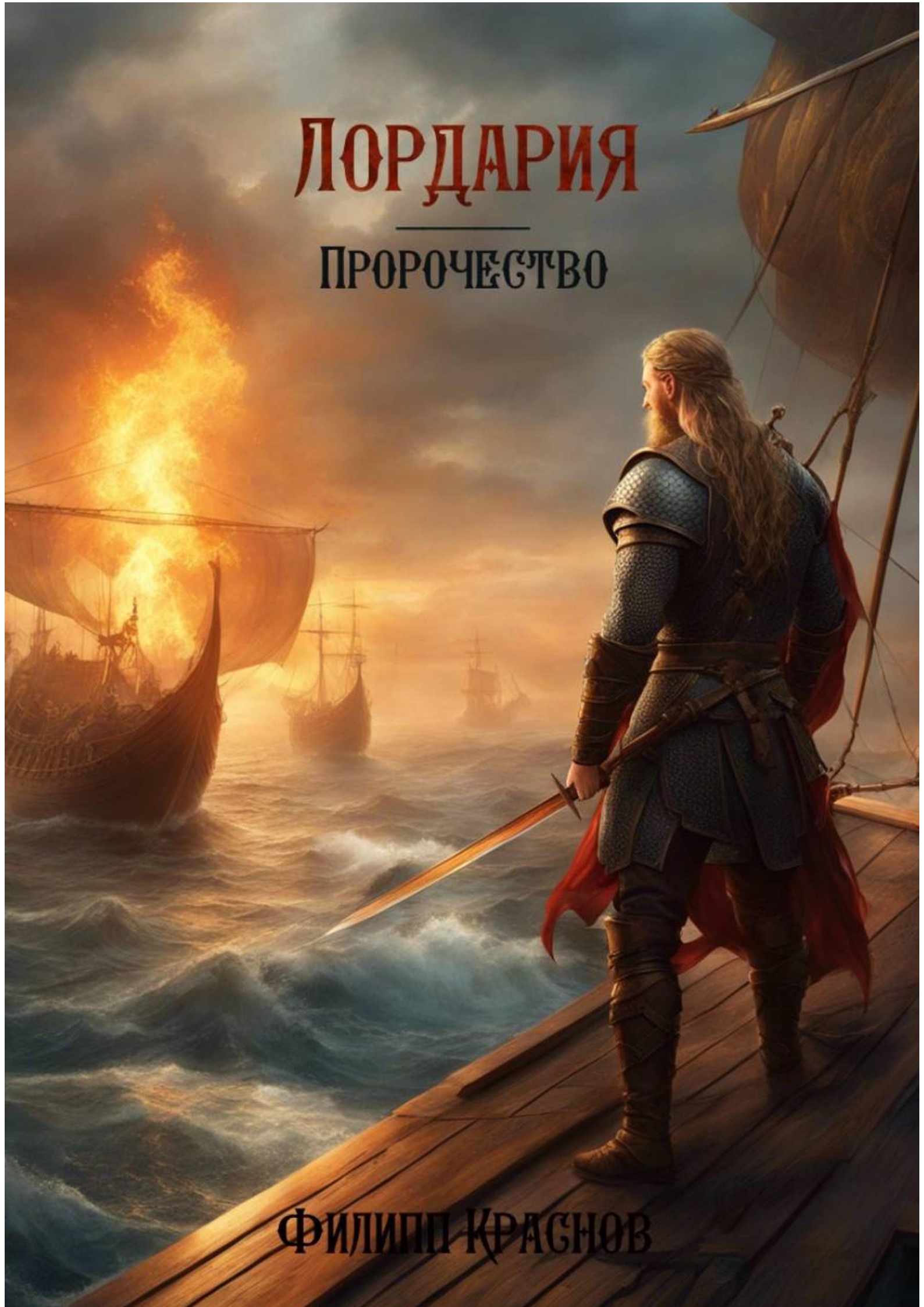

ЛОРДАРИЯ

ПРОРОЧЕСТВО

ФИЛИПП КРАСНОВ

Филипп Краснов

Лордария – Пророчество

«Автор»

2026

Краснов Ф. В.

Лордария – Пророчество / Ф. В. Краснов — «Автор», 2026

Кровавая, жестокая и беспощадная, на острова приходит война. Она точит мечи, разделяет всех на сильных и слабых и коварно смеётся, воссев на трон, который крепко держат на своих плечах месть и злоба. Молодой король стремится обагрить клинок кровью убийц своего отца. Он храбро ведёт войска за собой, не зная, что за морем уже поднимается спящая долгие годы сила, которая жаждет прибрать к своим рукам власть над королевством. Пред народами Лордарии встаёт тяжёлый выбор, но не все из них готовы принять чью-то сторону. Сохраняя нейтралитет, некоторые надеются переждать бурю, но она вероломно и неудержимо врывается прямо в их дома новыми бунтами и восстаниями. Видение четырёх начинает сбываться, и теперь уже никто не сможет уйти от карающей длани Пророчества...

© Краснов Ф. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена молчания	5
Глава 2. День Толара	15
Глава 3. Война начинается	24
Глава 4. Урсол	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Филипп Краснов

Лордария – Пророчество

Глава 1. Цена молчания

– Ступени уже через семь дней, – Коум обречённо покачал головой и уставился в затёртый временем и чужими сапогами кафельный пол. – Я не справлюсь Дайон, и меня отправят к потерянным или лекарям, если, конечно, будет что отправлять...

Дайон печально посмотрел на брата. Коум пришёл к нему за поддержкой и помощью, хотел получить немного тепла, но Дайон был молчалив как каменная глыба. Он любил своего брата, но сейчас все его мысли были заняты другим, тем, к чему он уже так давно готовился, и что должно было произойти уже совсем скоро, в тот же день, когда Коум должен был проходить свои ступени. Дайон едва сдержался, чтобы не сболтнуть брату о том, что его страхи бессмысленны уже по тому, что в тот день магам Академии будет точно не до него. Вместо этого он решил рассказать ему о своих ступенях.

– На самом деле, ступени не так страшны, как про них говорят. Я помню свой четвёртый курс, я тогда, как и ты, только и думал о том, чтобы они прошли хорошо. Думал и готовился, штудировал древние фолианты, упражнялся в использовании магии в тренировочных залах, я занимался всем этим с утра до ночи, и когда пришло время, я встретил ступени с ясным сознанием, лишённым страха. Встав в круг, я был готов ко всему. И моя уверенность помогла мне. С теоритическими вопросами я справился в мгновение ока, отвечая на всё развёрнуто, и приводя множество примеров. Затем пришло время практики. Меня окружили девять старших магов, три из них использовали магию Огня, ещё три магию Воды, а последняя троица магию Воздуха. Они были настроены решительно, и сразу же после команды Высшего малгара, начали по очереди осыпать меня своими лучшими заклинаниями. Нужно было видеть их лица, когда я постепенно сводил все их усилия на нет. Не спорю, не обошлось без пары синяков, но ни одному из них не удалось выбить меня из круга. Я прошёл ступени с гордо поднятой головой, и уверен, что ты справишься ничуть не хуже.

– Мне бы твою уверенность, – вздохнул Коум, но Дайон отметил, что от его истории, брату стало немного лучше, правда, мысли его по-прежнему витали не там где нужно. – С другой стороны, даже если я провалю ступени, я смогу попробовать ещё раз в конце весны, ну а если и тогда не справлюсь, то лишь бы все конечности были целы, и я смогу попасть к лекарям, буду помогать людям, ведь это тоже очень хорошо. Правда если меня травмируют слишком сильно, то придётся отправиться к потерянным, и попытаться жить без магии, но и тогда я буду не один...

Коум всё говорил и говорил и, покуда его речь не свалилась в панику (что было неизбежно, учитывая, к чему он клонил), Дайон наклонился вперёд и, положив руку брату на плечо, пристально посмотрел ему в глаза:

– Скажи, ты помнишь, что говорила мама, когда мы чего-то боялись в детстве?

Коум задумался, а после, грустно улыбнувшись, ответил:

– Она говорила, что мы сами в ответе за свой страх. Что мы его порождаем, а значит, можем сами его и победить. Жаль, что её сейчас нет рядом...

Коум смахнул руку брата и отстранился назад. В этот раз Дайон ошибся, вспомнив о матери, он должен был понимать, что эти слова лишь ещё больше расстроят Коума. Он хотел было всё исправить, подойти к нему, обнять, сказать ещё раз, что всё будет хорошо, но, Коум

вдруг резко поднялся и, не показывая брату лица, поспешил к выходу. Около самой двери он остановился и, не оборачиваясь, буркнул:

– Я буду у себя, надеюсь, мы ещё увидимся перед ступенями.

– Мы обязательно увидимся, Коум.

Дайон сказал это уверенно, хотя сам сомневался, что их пути с братом в ближайшее время ещё раз пересекутся. Ему нужно было отдалиться от него, и держать своего младшего братишку на расстоянии, для его же блага...

Дайон откинулся на кровать и уставился в потолок. Магическая имитация звёздного неба была прекрасной, в былые времена она смогла бы расслабить его напряжённый разум и настроить его на получение новых знаний. Сейчас же, «звёздное небо» лишь вызывало у него раздражение. Оно было иллюзией, пустышкой, готовой исчезнуть по шелчку пальцев. Давало ощущение мнимой защиты, а на деле обманом затягивало в себя своим лживым спокойствием для того чтобы растоптать и уничтожить. Разозлившись, Дайон вскочил с кровати, в сердцах схватил со стола потрёпанный учебник и запустил им в потолок. Звёзды исчезли, оставив после себя только древнюю серость потресканного от времени камня.

Дайон был прилежным учеником. Восемь лет он старался быть лучшим на своём курсе, собирал похвалу старших магов и несколько раз даже удостоился высшей чести – приятных слов от Гримоальда. Высший малгар высоко оценил его успехи и посоветовал не останавливаться на достигнутом, и Дайон внял его совету. Он совершенствовался в своём магическом искусстве вплоть до того, как в конце лета прошлого года всё это резко перестало иметь для него смысл. Жизнь королевства изменилась, к власти пришёл новый король, а Дайон узнал страшную тайну. Ту, о которой он думал многие годы, которая не давала ему спать по ночам, и с тех пор разделила всё на «до» и «после».

В свой последний девятый год обучения он вступил разобранном на части. Новые знания больше не хотели влезать в его голову, он редко слушал речи своих наставников, и всё больше ловил на себе их удивлённые разочарованные взгляды. Так прошла осень, а за ней следом миновала половина зимы. Всё это время он ждал нужного момента, ждал, когда придёт час, и вот теперь он настал. Он настал, и к Дайону вернулась вся его былая прилежность, ведь сейчас как никогда он должен был быть самим собой, для того чтобы не привлекать лишнего внимания. Поэтому, перестав созерцать лишённый звёзд потолок, он поднялся с кровати, подхватил с пола лежавший там учебник, благо этот «старик» смог пережить удар с потолком и столкновение с полом, и быстро вышел из комнаты.

Он не хотел идти на занятия, но мысли о том, что случится в ближайшем будущем, грели его истерзанную душу и заставляли его сжать кулаки и упорно двигаться вперёд.

За несколько десятков метров от кабинета профессора Авани стоял специфичный запах чего-то горелого и сильно пряного. В былые времена Дайон любил этот запах, сейчас же он заставил его задержать дыхание и ускорить шаг. Внутри кабинета всегда пахло слабее, чем снаружи, и это, вероятно, было самой большой магической загадкой восьми островов.

Дайон пришёл вовремя. Старой лагартки в кабинете ещё не было, зато на своём месте сидел его друг Лоренс. Не теряя драгоценных минут, Дайон быстро перемахнул через пустые столы и уселся рядом с ним.

– Сегодня в полночь, – одними губами прошептал он ему на ухо, – я буду ждать вас возле входа в подвал. Ты сможешь сообщить Раймунду?

– Да, – также тихо ответил молодой маг, – я оставлю ему записку в тайнике, он прочтёт её после обеда.

Дайон кивнул и поспешно отстранился в сторону – в кабинет медленно вошла профессор Авани.

В тёмно-зелёном балахоне, полностью покрывающем её тело, она выглядела внушительно и строго, хотя была самым лояльным и мягким профессором в Академии. Авани уже больше двадцати лет преподавала предмет «Приготовление эликсиров и снадобий». Она была большим мастером своего дела, и по слухам, которые являлись чистой правдой, готовила зелья для самих правителей королевства. Авани была хорошим учителем и гордилась своими учениками. Вплоть до начала этого учебного года, она была самого высокого мнения и об Дайоне, но потом он узнал, то, что узнал, и всё изменилось. И нет, старая лагартка не имела к этому никакого отношения, просто он, как и ко всему остальному, потерял интерес к её предмету.

– Поскольку вы уже являетесь старшими магами, а через полгода закончите нашу Академию, я думаю, что мы можем приступить к изучению сложных и опасных (если их неправильно сделать) эликсиров, – она медленно подошла к изрытому ожогами и трещинами столу, на котором почти всегда что-то бурлило и кипело и, осторожно ухватившись двумя пальцами, подняла вверх стеклянный фиал, до половины наполненный светло-фиолетовой жидкостью. – Это эликсир невиданной выносливости или как его ещё ошибочно называют: «зелье жизни».

– Неужели это то самое зелье, – удивлённо нахмурился Лоренс, – которое продляет магу жизнь?

Авани улыбнулась, показав ряд своих мелких жёлтых зубов, и вышла из-за стола.

– Увы, Лоренс, я неспроста уточнила, что его так называют ошибочно. То зелье, о котором вы говорите, в нашем королевстве могут приготовить единицы. Лично я знаю только одного человека – Высшего малгара Гримоальда – невероятно мудрого мага, который, к счастью, для всех нас является главой Академии и будет им столько, сколько посчитает нужным.

– А как же вы? – не сдавался Лоренс. – Профессор Авани, вы ведь одна из сильнейших зельеваров на островах, неужели вы не знаете его рецепт?

Авани подошла вплотную к тому месту, где сидели Лоренс и Дайон и, не сбивая со своего рта улыбки, мягко проговорила:

– Мне очень лестно это слышать, но нет, я не могу его приготовить, и дело здесь совсем не в рецепте. Зелье бессмертия готовится не по рецепту, оно делается по наитию, которое в свою очередь ведёт сама магия. Проще говоря, именно магическая стихия делает зелье бессмертия, а не человек. Он лишь марионетка в её руках.

Лоренс кивнул, давая понять, что он понял всё, что хотела сказать профессор, и Авани вернулась за свой стол.

– Итак, если ни у кого больше нет вопросов касающихся зелья бессмертия, – она сделала выразительную паузу, в течение которой никто не проронил ни звука, и продолжила: – я бы хотела вернуться к нашей сегодняшней теме. Эликсир невиданной выносливости. Для чего он нужен? Может кто-нибудь знает?

Она окинула внимательным взглядом своих учеников, но не нашла в их лицах ответа на свой вопрос. Хотя один из них его знал. Он прочитал об этом ещё в прошлом году, но не хотел ничего говорить. Дайон считал это неуместным, лишним, отвечать на какие-то вопросы, в то время как всё его естество готовится совершить то, что внесёт его имя в анналы истории.

– Ничего, – Авани кивнула, – мало кто знает об этом в вашем возрасте, но я считаю, что такие эликсиры – это именно то, что может пригодиться в вашей дальнейшей жизни, оно может даже спасти её. Собственно, этот эликсир используется именно в тех ситуациях, когда у вас нет с собой воды и питья. К примеру, вы оказались в пустыне Саандар или в отдалённых областях гор Менхш, там негде найти еду и питьё, а до ближайшего поселения без них вы можете не добраться. Так вот, правильно приготовленный эликсир невиданной выносливости, способен

продержать ваше тело в хорошем состоянии без пищи и воды четверо суток в среднем показании, и в максимальном – не больше недели. За это время вы не почувствуете недомоганий, и ваш организм сможет работать в нормальном режиме.

– В чём же здесь подвох? – раздалось откуда-то с задних парт.

Этот вопрос вновь заставил Авани улыбнуться.

– Подвох, конечно же, есть – мягко ответила она, – и он в его приготовлении. Фиолетовые водоросли, которые входят в его состав, именно из-за них собственно эликсир и имеет такой цвет, нужно варить при правильной температуре. Все остальные ингредиенты безвредны, но их последовательность очень важна, ведь если вы что-нибудь перепутаете или проварите эликсир дольше или меньше чем нужно, то последствия его употребления могут быть фатальными. Не всегда, конечно, только в крайнем случае, но вы всё равно можете сильно обжечь свои внутренние органы, потому что при неправильной варке водоросли выделяют жгучий ядовитый сок. Но мы с вами, естественно постараемся всего этого избежать.

Авани бережно поставила фиал на стол, подхватила лежавшие рядом очки и начала быстро листать стоявший перед ней на подставке фолиант, который ученики безвкусно именovali просто учебником. Она громко перелистывала страницы в течение нескольких минут, покуда, наконец, её острый ноготь не замер и листания прекратились.

– Откройте страницу двести восемьдесят четыре, и при приготовлении внимательно следуйте инструкции. И, внимание, ученики, – она оттопырила вверх свой указательный палец, и впервые с начала занятия её лицо стало серьёзным, – никому, я повторяю ещё раз, никому из вас не разрешается испытывать свой эликсир на себе. Его правильность мы проверим магическим путём в самом конце занятия. Если кто-то ослушается моего указания, то пеняйте на себя. Наши лекари очень искусны в своём ремесле, но даже они не всегда могут вылечить человека с прожжённым насквозь желудком.

Дайон мог бы приготовить этот эликсир с закрытыми глазами. Он не считал его слишком сложным, ибо летом дни напролёт посвящал изучению приготовления сильнейших зелий и использованию самых мощных заклинаний. С последними у молодого мага всегда было немного туговато, он больше любил смешивать разноцветные содержимые колб и склянок, а вот взаимодействие с настоящей природой, магией стихии земли, было для него сложным процессом, требующим максимальных усилий. Впрочем, он значительно продвинулся в нём, покуда не узнал плохие вести...

Погрузившись в них с головой, Дайон потерял счёт времени и опомнился уже тогда, когда его однокурсники закончили половину своей работы. Спыхватившись, он кинулся их догонять, но не успел. К концу занятия его эликсир был сделан неправильно. Дайон торопился и не доварил водоросли, о чём, покачав головой, ему и сообщила Авани. Лоренс же, наоборот, не вынимая своего лица из учебника, сделал всё правильно и долго кичился этим, пока Дайон не поставил его на место всего одной фразой:

– Помни, что ждёт нас через неделю.

Её хватило, чтобы молодой маг успокоился и погрузился в обычное для него в последнее время угрюмое состояние.

После занятия Авани задержала Дайона и в очередной, уже третий раз в этом семестре, выразила свою обеспокоенность его состоянием. Добрая старая лагартка, она пережевала за своего ученика и готова была ему всячески помочь. Дайону был жаль, он совсем не хотел её расстраивать, но и объяснить причину своей неуклюжести в последнее время тоже не мог, поэтому ограничился сухими заверениями, что он обязательно исправится. Этого было достаточно и, облегчённо выдохнув, Дайон отправился на следующий урок.

Профессор Готфрид – коренастый эгонд с внушительным подбородком и седеющими длинными волосами, был человеком жёстким и требовательным. Он хотел сделать из своих учеников настоящих магов, и порой для достижения этой цели ему приходилось принимать нетрадиционные решения.

К примеру, вчера пятеро магов с восьмого курса подумали, что неплохо было бы сбежать с его предмета, отправиться в город, напиться вдрызг в одной из таверн, пристать там к девушкам и завязать драку с несколькими рослыми энмарисцами. Как итог: несколько разбитых носов и десять жалоб. За такое их бы можно было с позором выгнать на все четыре стороны, но Гримоальд был мягким и добрым малгаром, и дал им ещё один шанс. Готфрид, у которого было на этот счёт своё мнение, молча принял решение главы Академии, но не стал спускать им это с рук.

Когда девятый курс магов стихии земли пришли к нему на урок, у него для них был весьма необычный сюрприз.

– Сегодня мы проверим то, чему вы научились за последние несколько лет, – он был как всегда лаконичен, стараясь не пускать лишних слов на ветер, а говорить коротко и по существу. – И сделаем это на примере урока самообороны. Эй, выходите, сделайте нам одолжение!

Те, кому он это крикнул, немедля вышли из-за прикрытия тенистой террасы. Они осторожно проследовали по покрытой снегом и льдом дорожке и заняли свои места напротив, ничего не понимающих учеников девятого курса.

– Всё просто, – дождавшись, когда наказанные выстроятся в ряд, сказал Готфрид, – эти пятеро, без сомнения, одаренных магов будут нападать на вас с оружием: мечом, копьём, топором, молотом и луком, вам же нужно, используя магию, отбить их атаку и обездвигить их. – Готфрид вскинул вверх правую руку и угрожающе потряс кулаком. – Только обездвигить, не убить, поэтому не действуйте в полную силу. А теперь разбились на пятёрку и выполнять!

Дайону достался противник с молотом. Бедняга, не державший в своих руках ничего тяжелее полной бутылки эля, выглядел побеждённым ещё до того, как издав дикий рёв, кинулся на него. Дайон мог бы его пожалеть, но его презрение к людям, которые, обладая магическим потенциалом, не находят ничего лучше кроме как пропивать его в таверне, было слишком велико. Выкрикнув несколько слов заклинания, он вскинул вверх обе руки, направил их кисти в сторону растущего в нескольких метрах справа от него дерева и заставил его повиноваться. Три могучих корня в ту же секунду вырвались из-под земли и устремились к его оппоненту. Восьмикурсник успел лишь один раз вскрикнуть, а после его тело взмыло вверх, сдавливаемое по торсу землистыми «путами», выпустило из рук молот, и начало кричать что сдаётся.

– Вот! – Пробасил Готфрид, подойдя к Дайону. – Всем брать пример с Дайона. Быстро, чётко и без нареканий, именно такой результат вы должны будете показать на финальных испытаниях Высшему малгару. Именно этого он от вас ждёт!

Эта речь не сильно вдохновила остальных учеников. Все они знали, что последние испытания были формальностью, и переживать о них не стоило. Их принимал лично сам Гримоальд, и не было ещё ни одного случая, чтобы кто-то их не прошёл. В конце концов, это не ступени на которых и правда, решались судьбы, а просто то, что нужно было для того, чтобы получить бумаги об окончании Академии. Однако они всё равно решили не расстраивать профессора, и угостили своих младших собратьев порцией отборной магии.

Для учеников девятого курса это занятие пролетело быстро, провинившимся же оно показалось вечностью, и надолго отбило у них желание сбежать с уроков профессора Готфрида.

После обеда Дайон побывал ещё на двух занятиях, и этот тяжёлый день был закончен. Уставший и обессиленный, он добрался до своей комнаты и увалился на кровать с единственным желанием отдохнуть. К счастью, его бывший шумный сосед в прошлом год закончил Академию, и сейчас соседняя кровать пустовала. К нему хотели подселить другого мага, но Дайон выбрал тишину и спокойствие. Как один из лучших учеников Академии, он мог её себе позволить и остался в одиночестве.

Это одиночество было его братом, не таким родным как Коум, но тоже достаточно близким.

Коум.

Дайон закрыл глаза и представил лицо своего брата. Они всегда были друг у друга, всегда поддерживали и помогали друг другу, и когда матери не стало, когда она просто ушла и не вернулась, они могли надеяться только на себя. Благо был один состоятельный человек, который помог им остаться на плаву, оплатив проживание в Академии до конца их обучения. Но больше им не помогал никто, и именно поэтому Дайон так неистово учился, он хотел быть примером для своего младшего брата, хотел, чтобы он им гордился, но всё это теперь пошло прахом. Он не знал, что подумает о нём брат, и лишь мог надеяться на то, что он поймёт его, когда-нибудь, если же нет...

Дайон прогнал тревожные мысли из головы и, перевернувшись набок, постарался уснуть.

– Нас никто здесь не увидит? – Раймунд боязливо оглянулся по сторонам и судорожно сглотнул.

Дайон ничего не ответил и лишь смерил его презрительным взглядом. Старше него в два раза, этот поступивший в Академию семь лет назад хет, был далеко не таким отважным и храбрым, как он подумал о нём изначально. Орать на кого-то в коридоре и громко поносить имя важного человека он мог без страха, но вот сделать что-то более существенное... Впрочем выбирать не приходилось, для его плана были нужны трое магов, и поэтому когда Лоренс и Дайон слышали те крики Раймунда, они не сомневались, что нашли недостающий оттенок своего трёхцветного гобелена.

– Увидят, – сжав губы, гневно бросил ему Лоренс, – если твои зубы так и продолжат стучать друг о друга, как молот о наковальню. Ты знал, на что мы идём и согласился, поэтому будь добр держи себя в руках.

Раймунд энергично закивал и, выдохнув, постарался успокоиться. Тем временем, шедший впереди Дайон убедился, что поблизости никого нет, подошёл вплотную к старой облезшей двери и, вытащив из внутреннего кармана своего плаща небольшую палочку, шепнул заклинание. Палочка вмиг ожила, начала извиваться из стороны в сторону и Дайон аккуратно, подхватив её за кончик, просунул её в замочную скважину. Несколько секунд ничего не происходило, а затем раздался характерный щелчок, и нижняя часть замка отщелкнулась и устремилась вниз. Дайон чудом успел поймать её в метре от каменного пола, не сделай он этого и весь их план бы был испорчен, потому что грохот поднялся бы такой, что на него бы точно сбежалась половина Академии.

Выбравшись из скважины, палочка юркнула на свободную ладонь Дайона, и он тут же новым заклинанием забрал из неё жизнь и спрятал туда, где она покоилась раньше. Путь был открыт, и троица магов вошла в подвал.

Тёмное мрачное место, он был напрочь лишён света, и поэтому им пришлось разжечь подготовленные заранее факелы, которые вмиг озарили раскинувшийся впереди подземный лабиринт.

– Ты точно знаешь, куда нужно идти? – ухватил за плечо готового двинуться вперёд Дайона Лоренс.

Дайон обернулся и уставился на него взглядом, в котором читалось негодование.

– Я часами, чуть ли не каждую ночь, на протяжении трёх последних месяцев изучал карту подземелья в запретной части библиотеки. Она выдолбилась в моём мозгу, как надпись на гранитной плите, естественно, я знаю, куда нам идти, иначе всех нас здесь сегодня бы не было.

Стальная уверенность друга успокоила Лоренса, и он предпочёл полностью ему довериться. Также решил сделать и Раймунд. Несмотря на то, что подземелье вызывало у него приступы животного страха, хет старался не подавать виду и молча следовал за своими сообщниками. Однако, в конце концов, в звенящей тишине и полном мраке его нервы начали постепенно сдавать, вернулась дрожь, и дабы как-то отвлечься от своих страхов, он решил задать вопрос, который уже давно не давал ему покоя.

– А... я... я, хотел узнать, насколько велик риск использования того, за чем мы сюда спустились?

Дайон усмехнулся и, не оборачиваясь, тихо ответил:

– Неужели ты не знаешь историю Медальонов Запретных Сил? Её ведь рассказывают на уроках истории ещё на первом курсе.

– Может быть, я и знал, – передёрнул плечами Раймунд, – но видится, знания эти со временем утекли из моей головы.

– Что ж, ладно, – кивнул Дайон, – я расскажу тебе о них, только постарайся, пожалуйста, не испугаться ещё больше.

Молчание хета он воспринял как согласие и, повернув за очередной угол, начал свой рассказ.

– В давние времена, когда на континенте Ливадия только зарождалась жизнь, великий бог Магус, уходя из этого мира, бросил в землю семена магии. Долгие годы взрастали они, покуда не нашли их четверо людей. То были первые маги, имена коих навсегда утеряны после гибели Ливадии. Они самостоятельно обучались магии, а когда познали все её тонкости, начали учить других. Магия распространялась по королевству очень быстро, и к ним приходило всё больше и больше учеников, в конце концов, число магов стало стремительно расти, и первых четырёх захлестнула горечь и злость. Они желали быть сильнейшими меж прочих, хотели владеть такой магией, которой бы не обладали другие, и поэтому задумали создать могучие артефакты, которые будут способны увеличивать их силы. Долгие дни и ночи, недели и месяцы, годы, работали они над ними вдали ото всех. Они были жадными, алкая силу вливали в медальоны всё больше магии, и остановились только тогда, когда она уже не могла проникать за их холодные золотые створки. Лишь тогда они поняли, что время пришло. Довольные собой они повесили медальоны на шеи и... Стали самой магией, их силы возросли во стократ, они могли делать то, на что не способен был никто до них, и никто после. Но у всего были свои последствия, со временем медальоны захватили их тела и души, и первые маги обезумели. Они стали ненавидеть и презирать остальных магов, и в своём непомерном гневе обрушили на них всю мощь, таящуюся внутри. Началась бойня, многие тысячи погибли в ней, а затем, оставшись вчетвером рядом с горой трупов, они взглянули друг на друга, и решили убить своих братьев, пожелав стать единоличными обладателями всей магии мира. Мана вылетела из их рук, и через мгновение все они упали замертво, уничтоженные силами ближнего к себе мага. Лишь медальоны от них остались. Выжившие маги из числа их учеников нашли их и попытались уничтожить, но у них ничего не вышло, и тогда они поклялись хранить их в тайне и никогда больше не использовать.

Дайон закончил как раз тогда, когда извилистый путь по подземельям привёл их к огромной, искрящейся из всех щелей двери. Он знал, что было сокрыто за ней, знали это и его спутники. И одного из них это знание пугало.

– Но если, – робко проговорил Раймунд, – великие маги прошлого не справились с силой Медальонов, то почему у нас должно это получиться?

– Потому что, – не сводя восторженного взгляда с двери, произнёс Лоренс, – они не снимали их на протяжении многих лет, мы же будем их использовать всего один день, за это время они не успеют завладеть нами, зато дадут нам возможность закончить начатое.

– Правда добратся до них, – задумчиво поскрёб затылок Дайон, – будет сложнее, чем мы думали. На двери наложены сильнейшие магические печати, мы сможем их разбить, но скорее всего за один раз не справимся.

Следующие несколько часов они потратили на то, что бы соединив свою магию воедино пробиться через защитные чары. Они вложили в это все свои силы, но единственное чего смогли добиться, так это того, что на печати появилась небольшая трещина длиной с мизинец.

Опустошённые и уставшие, Дайон, Лоренс и Раймунд приняли решение возвращаться обратно, у них больше не было маны, а ещё более долгое пребывание в подземелье было опасно тем, что их в любой момент могли обнаружить.

Следующие четыре ночи они снова спускались в подвал. Четыре ночи почти до самого рассвета они стремились разорвать магию, сковывающую собой дверь. Но выходило скверно, в таком темпе, в каком они двигались к своей цели, они смогли бы сделать это самое ближайшее через месяц, но у них не было столько времени, и Дайон вновь отправился в запретную часть библиотеки, где смог-таки найти заклинание способное уничтожить печать. Оно было очень опасным и могло лишить жизни того, кто его использовал, но у мага не было выбора, и он решил рискнуть, тем более что следующая ночь была последней.

После занятий он раз за разом повторял заклинание в своей комнате, пока вдруг по всей Академии не раздался глас горна, созывающий всех учеников и учителей на общее собрание.

Дайон был удивлён, ведь ступени должны были начаться завтра, а сегодня наоборот был предусмотрен спокойный день, когда ученики могли отдохнуть и набраться побольше сил. Но делать было нечего, с тревожными предчувствиями он собрался, оделся и направился в зал для собраний.

– Дайон, Дайон! – пробираясь через толпу, услышал он откуда-то справа знакомый голос, а затем перед ним возник Коум.

В глазах брата стоял испуг, и он тут же спросил о том, что его волновало:

– Ты не знаешь, зачем нас собирают вместе? Может быть это как-то связано с завтрашними ступенями?

Несмотря на то, что Дайон сам сильно волновался, он постарался успокоить младшего брата.

– Мне кажется, что эти события не связаны, вероятно, у Гримоальда есть для нас какие-то новости, быть может, они связаны с государственными делами, – Дайон, как и все в Энмарисе ждал начала войны с хетами, – или может Высший малгар хочет поддержать вас своей речью. В любом случае, скоро мы всё узнаем, и если что-то пойдёт не так, я буду рядом с тобой, не волнуйся.

Слова старшего брата немного его успокоили, и, несмотря на то, что они находились в самом центре людского потока, Коум крепко обнял его, и шепнул:

– Спасибо, мне и правда, стало легче.

А затем людская волна разделила их и унесла в разные стороны, в конце концов, прибав к «берегу» величественного зала, своим сводом уходящего в высокий шпиль здания Академии.

Когда все остановились, Дайон неожиданно оказался возле Раймунда, а через некоторое время, активно поработав локтями, к ним пробился и Лоренс.

– Как думаете, – прошептал он, после того как наконец смог отдышаться, – зачем нас всех здесь собрали?

– Понятие не имею, – покачав головой, ответил Раймунд.

Дайон же промолчал, всё его внимание было приковано к вышедшему на помост Высшему малгару. Вскоре Гримоальда заметили и остальные собравшиеся, и над залом повисла тишина.

Оглядев всех своим внимательным взглядом, он прочистил горло и как можно громче проговорил:

– Мои сыновья и дочери, я призвал вас сюда по неотложному делу. Оно связано с... заговором, – по толпе прошёлся ропот, но, подняв вверх руку, Гримоальд призвал всех к порядку и продолжил: – Да, в наших рядах есть предатели, те, кто в столь тяжёлое время для нашего королевства помышляют о жестоком убийстве человека, который держит в своих руках всю власть в Лордарии. Помня о том, что произошло с его отцом, они хотят распрей и бунта, хотят нарушить наш строй и внести смуту!

По ходу развития его речи, голос Гримоальда становился всё громче и громче, а затем, вдруг оборвавшись, он спустился на несколько тонов вниз, и Высший малгар произнёс то, отчего у Дайона упало сердце.

– Их имена: Лоренс, Раймунд и Дайон!

Все стоявшие рядом с ними резко отхлынули в сторону, и три мага, окружённые удивлёнными взглядами, приготовились к сражению. Мана потекла в руки Дайона, он уже готов был воспользоваться ей, как вдруг запертые ранее двери с шумом отворились, и в зал, гремя отполированными до блеска доспехами за спиной которых развевался синий плащ, вошли adeпты Ордена Рун – подобные рингорам даарингов, в отличие от них, они служили магам и использовали силу своих рун не для того чтобы охотиться на них, а для того чтобы защищать их и всех остальных, если вдруг магия выйдет из-под контроля.

Дайон, Лоренс и Раймунд застыли в нерешительности и, видя это, Гримоальд вновь взял себе слово.

– Рядом с вами ваши братья, многие из них ещё совсем дети, если вы решите сопротивляться, то они могут пострадать или и того хуже – погибнуть. Сдайтесь, и ваши жизни будут пощажены. Сдайтесь, и никто не пострадает. Сдайтесь и стены Академии не будут обагрены невинной кровью!

Блуждая по толпе взглядом, Дайон нашёл своего брата. Коум был сильно напуган и не понимал что происходит. Подумав о том, что рядом с ним стоят ещё десятки младших магов, Дайон бессильно опустил руки, и магия вышла из них мягким потоком, плавно растёкшимся по полу. Лоренс и Раймунд последовали его примеру.

Гримоальд тяжело выдохнул, и куда адепты Ордена пробивались через толпу, чтобы взять их под стражу, решил узнать, в чём заключались их мотивы.

– Вы все были прилежными учениками Академии, особенно ты Дайон, я рассчитывал на тебя, думал о том, какое будущее тебя ждёт, зачем тебе устраивать покушение на жизнь нашего короля Флориана? Ведь он прибыл бы сюда завтра для того чтобы поддержать проходящих через ступени, в числе коих и твой родной брат.

Выпрямившись, Дайон встретил взгляд Гримоальда с твёрдостью и ответил ему резко и гневно:

– Я уверен, что мой брат поймёт меня. Я был прилежным учеником Академии, но когда в конце лета на суде городского совета наш покровитель принц крови Северан вдруг раскрыл

тайну исчезновения моей матери, я больше не мог оставаться самим собой. Она была служанкой леди Оливии, она рассказала о бесчестии Флориана, и он убил её, лишил нас её, и за это он должен был заплатить самую высокую цену!

– Да, – поддержал друга Лоренс, – а ещё, этот мерзавец смешал мой дом с грязью! А ведь мы всегда были уважаемы в королевстве, и поддерживали Северана только потому, что верили в его правду. Флориан же бесчестный ублюдок воспользовался властью в своих низменных целях, и теперь нашей семье больше нет места в родном городе!

– И с этой властью, – отозвался вслед за ним голос Раймунда, – он начал гонения на всех хетов живущих в Энмарисе. И не важно, что мы всегда поддерживали его отца, не важно, что наш истинный хёвдинг Меинхард живёт в его дворце и является его гостем, он всё равно обрушил на наши головы пламя разъярённой толпы!

Гримоальд внимательно слушал их, и когда последнее слово сорвалось с губ Раймунда, без тени сочувствия и сожаления проговорил:

– И тогда вы решили, что лучшим способом убить его будет пробраться в подземелья и овладеть Медальонами Запретных Сил? Вы хоть понимаете, в какой хаос ваше желание отмстить могло погрузить королевство? Разве вы не слышали древние легенды, разве вы не знаете, что сила этих медальонов опасна?

– Эта сила, – сквозь зубы процедил Дайон, – скрыта там из-за вашей слабости и неспособности её использовать!

– Что ж, – обречённо покачал головой Высший малгар, – благо, что моя слабость и неспособность всё же позволяет мне знать обо всем, что происходит в этих стенах. В тюрьме у вас будет достаточно времени, чтобы подумать о том, что вы хотели сотворить. А ныне мне больше нечего вам сказать.

Рунные кандалы защёлкнулись на шести запястьях, и синие плащи, подтолкнув, направили трёх магов к выходу. Дайон шёл, не поднимая головы, внутри него всё умерло, надежды, мечты... была жива лишь одна месть, но теперь она не могла быть свершена, и всё больше не имело смысла.

Опустив взгляд, он не хотел смотреть на своего брата, не хотел видеть в его глазах боль и страдания, но если бы он это сделал, если бы кивнул ему или ободряюще хмыкнул, того, что произошло в следующие мгновения, можно было избежать.

Узнавший страшную тайну, видевший своего любимого брата в оковах, молодой, неопытный Коум потерял над собой контроль. Издав ужасающий вопль, он дал волю магии, и стихия огня полилась из его рук, окутывая собой всё, что было у неё на пути.

Синие плащи оставили узников и бросились наперерез огню, а опешивший Дайон с ужасом взирал на то, как его брата поглощало пламя. Маги стихии воды пытались потушить огонь, но не смогли. Коум сгорел заживо. И лишь когда его обгорелое тело упало на раскалённый каменный пол, Дайон рухнул на колени и исторгнул из себя вопль ужаса.

А затем его накрыли горестные стенания. Он изнывал от боли. Он не мог поверить в то, что произошло, но никому не было до этого дела. Убедившись, что угроза устранена, adeпты Ордена Рун подхватили его, поставили на ноги и потащили с собой в холодную вечность тюрьмы, что была ничем по сравнению с кошмарами, отныне и навек заточёнными в его голове.

Декорации вокруг стремительно менялись, а он всё продолжал корить себя, ведь цена молчания была слишком высока. Если бы он рассказал брату, если бы он взял его с собой, Коум бы успел подготовиться к тому, что произошло, и сейчас был бы подле него. Да, в оковах, но живым. Но страх, желание защитить, оградить от мести того, кто был ему дороже жизни, сыграли с ним злую шутку, и теперь Коума нет, да и от самого Дайона мало что осталось, лишь пустая оболочка, лишённая последней надежды...

Глава 2. День Толара

Северан был сосредоточен. Он шёл мимо ликующей толпы, а на лбу его волнами играли друг с другом морщины. За последние шесть месяцев принц крови заметно сдал и осунулся. Переживания, ярость и постоянный гнев делали своё губительное дело, и он уже не был тем крепким человеком, способный шутя преодолевать трудности, хотя, впрочем, он перестал им быть ещё в тот день, когда умерла Оливия. Несчастливая девочка, а её убийца... О, он попытался привлечь его к ответу, попытался заставить его заплатить за то, что он сделал, но Флориану всё сошло с рук. Городской совет почти полным составом поддержал принца и вонзил нож Северану в спину.

В тот момент когда Гримоальд огласил вердикт совета, Северан был готов пустить в ход мечи, рядом с ним были верные воины и хоть их было недостаточно для того чтобы произвести переворот, но они бы точно смогли отвлечь прихвостней Флориана, пока он бы пронзил своим мечом его гнилое сердце. Секунды отделяли его от того чтобы принять это решение, но он так и не отдал нужного приказа, сдался и покинул город.

Сейчас он жалел об этом, но было уже поздно. Сев на корабль, Северан поскорее направил паруса к Нар-Толису, к острову, где жил их с Роландом младший брат Гаспар. Спеша туда, Северан надеялся, как можно скорее заручиться через него поддержкой султана Селима и выступить против Флориана. Не важно как, целой армией или же во главе отряда убийц, он был уверен, что ему удастся свершить свою месть очень скоро. Но реальность оказалась не такой прямолинейной, как его мысли.

Селим не захотел его слушать. Мало того, Гаспару стоило больших трудов убедить султана позволить своему брату, в принципе, ступить на земли Нар-Толиса. Знавший о его статусе изгнанника, Селим боялся что прими он беглеца, король Флориан – правитель резкий и жёсткий, быстро продемонстрировавший всему королевству, что будет в дальнейшем со всеми, кто выступит против него (в первый же день своего правления он бросил в тюрьмы несколько шевальеров, открыто поддерживавших Северана, но отказавшихся уходить с ним в изгнание). Но время шло, а Флориан молчал, он был слишком занят наведением порядка в Энмарисе и подготовкой к войне с хетами, поэтому не обратил никакого внимания на то, что его опальный дядя осел в Нар-Толисе.

Так прошли полгода и наконец сегодня, двадцать первого фаура, в День Толара – великого праздника толисцев, во время которого они всячески почитают своего бога Толара, в частности проводят весь день так, как по легендам проводил его их прародитель, Селим прервал молчание и выдвинул условие при котором он согласится дать Северану свою аудиенцию.

Войдя в стены амфитеатра в Диа-Бее, городе который по преданию первым основал Толар, Северан протиснулся через толпу зевак и прошёл в сторону одного из двух богато украшенных балконов. Там его уже ждали.

– Северан, – высокий человек с лицом воина, на котором годы отпечатали суровую жесткость, прервал разговор со своей женой и поприветствовал вошедшего крепким рукопожатием.

– Гаспар, Алейна, – кивнул им Северан, и, заняв своё место рядом с братом, тихо проговорил: – Сегодня великий день, важный день и мне жаль, что на плечи именно вашего сына легла такая ответственность. Если бы я мог занять его место, я бы сделал это, не задумываясь.

– Не смотри на то, что Анир юн, – твёрдо проговорил Гаспар, – он крепок духом и очень силен, он понимает насколько это важно не только для тебя, но и для всего королевства. Поэтому я уверен, что он справится с любым противником.

Северан посмотрел на брата, и в его взгляде сверкнуло уважение. Гаспар был хорошим братом и отличным человеком. С самого детства они всегда держались вместе, обласканный

любовью отца и матери Роланд, как наследник престола всегда смотрел на них свысока, такими же, вероятно, выросли и его дети. Сразу по прибытии на остров Северан отправил двух голубей – на Дир-Эгон среднему брату Флориана Дэмиену и на Темандэ младшему Матиасу. В своих посланиях он кратко изложил племянникам свою версию произошедшего и попросил у них поддержки. В особенности он настаивал на ней в письме к Дамиэну. Молодой восемнадцатилетний принц в случае смерти Флориана был следующим в очереди на трон, и Северан был готов всячески поддержать его но, увы, ни он, ни его брат ему не ответили. В связи с этим поддержка Гаспара и его семьи была для Северана единственным, что не позволяло ему прыгнуть в тёмный омут безнадёжности. И сейчас было самое подходящее время, чтобы воздать за неё.

– Я хотел поблагодарить тебя, – положив руку на плечо брата, проговорил Северан, – ведь ты поверил мне сразу же, поверил ещё тогда два с половиной года назад. Ты рисковал ради меня своей репутацией, и я этого точно не забуду. Когда справедливость восторжествует, я смогу отплатить тебе за всю доброту, кою ты мне оказал.

– Это лишнее, – как всегда резко, без проявления чувств ответил Гаспар, – я радею за справедливость и сильную Лордарию. А пока на её троне сидит убийца, королевство не будет могущественным.

Северан хотел было сказать что-то ещё, как вдруг с противоположной стороны, на балконе, где восседал султанай вместе с эмирами и халифами, раздался громкий стук барабанов, призывающий галдящую толпу умолкнуть и трепетно внимать словам своего правителя.

– Мои подданные, – прозвучал его немного гнусавый голос, который больше подходил ушлomu торговцу специи, нежели великому султану, – в этот счастливый день и час, я рад одарить вас своим присутствием на празднике в честь Дня Толара. Наш могучий великий бог смотрит на нас с вами свысока, он видит наши дела и помыслы, и мы должны сделать так, чтобы он ими гордился. Поэтому я призываю всех борцов гуреша, готовящихся выйти на эту арену, выступать достойно и честно, не наносить своим противникам серьёзных травм и самое главное не пытаться победить обманом. Я жду от вас зрелища, так дайте его мне!

Селим замолчал, и зрители искупали его в громких улюлюканьях и хлопках ладони о ладонь. Гаспар и Алейна присоединились к всеобщему ликованию, Северан же поддерживать их не стал. В случае успеха Анира он должен был сегодня после обеда говорить с султаном человеком, но судя по тому, как Селим держался и вёл себя, даже если этот разговор состоится, едва ли он будет приятным.

Будучи ещё на Ампулхете, где он провёл большую часть своей жизни, Северан насмотрелся на разных правителей, среди них были и сильные и слабые, но ни один из них не обращал в своих речах столько внимания к самому себе, скольким «облил» свою голову султанай. Даже в честь Толара, он не поспешил на похвалу самого себя. Всё это заставляло Северана задуматься о многом, и в частности о том, что возможно нужно было плыть не к Нар-Толису, а к Дир-Эгону. Несмотря на то, что эгонды всегда преданы тому, кто занимает престол в Энмарисе, они знают, что такое честь, а ещё они просты как пробка от вина. С одной стороны это хорошо, в том плане, что им легче донести свои мысли, но с другой, это простота может привести к тому, что его безо всяких разговоров свяжут и бросят в тюрьму. Подумав об этом, Северан выдохнул. Нет, он был в правильном месте. Теперь нужно лишь чтобы удача на этот раз его не подвела.

Тем временем на арену вышли борцы. Стиль их боя заметно отличался от обычных кулачных драк, часто проводившихся в портовом районе Энмариса. Он не был таким жестоким, хотя Северан предпочитал хорошую драку тому, чтобы полностью измазаться в оливковом масле, натянуть штаны из бычьей кожи и добрых сорок минут (если, конечно, бой не закончится досрочной победой одного из противников) пытаться уложить своего оппонента на лопатки. Он этого не понимал, но зато для толисцев, гуреш был чуть ли не священной борьбой. Ведь в

преданиях именно Толар обучил ей первых людей, и сегодня в его День больше сотни борцов вышли на арену помериться силами друг с другом и воздать ему хвалу.

Когда борцы разбились на пары, Северан начал скользить по их лицам взглядом, пытаясь обнаружить Анира. Несмотря на то, что он был чистокровным энмарисцев, жизнь в пустынном Нар-Толисе, где тебя десять месяцев в году опаливает жаркое раскалённое солнце, сделала своё дело, и Северан как ни силился не смог найти его.

Обернувшись к Гаспару, он понял, что его брат тоже не видит сына, как вдруг его, наконец, заметила Алейна.

– Он вон там, – устремив вперёд свой тонкий указательный палец, уточнила она, – рядом с двумя колоннами.

Северан проследовал за её взглядом и жестом и, правда, обнаружил там Анира. Тело парня было наполовину скрыто другими борцами, что доставляло много трудностей первоначальным попыткам отыскать его, но теперь Северан крепко вонзился в племянника своим взглядом.

Анир был истинным сыном своего отца, он был крепок и не по годам мужествен, но стоявший напротив него борец выглядел настоящей глыбой, сотворённой из мышц и, видимо, железа.

– Это один из капитанов стражи султана, – увидев недоумение, отразившееся на лице брата, объяснил Гаспар.

– Думаю, правитель Нар-Толиса, очень сильно не хочет со мной разговаривать, – покачал головой Северан.

– Ты рано пророчишь Аниру поражение, – всё тем же спокойным и уверенным голосом пожурил его Гаспар, – крупный противник – громче падает, вот и всё.

Новая барабанная дробь обозначила начало гуреша, и борцы ринулись друг на друга. Плоть ударилась о плоть, и весь амфитеатр накрыл запах масла, смешанного с потом. С началом борьбы Северан ненадолго выпустил Анира из виду, но вскоре вернулся к нему для того, чтобы увидеть, как громила капитан взял его в мёртвый захват.

Анир не смог бы из него выбраться, и Северан с замиранием сердца отсчитывал секунды до того, как его племянника уложат на лопатки, и он ещё год не сможет поговорить с султанаем. Однако худшего не произошло. Такой же спокойный и сосредоточенный как его отец, Анир выждал удобный момент и, выгнувшись, выскользнул из хватки своего противника. Он сделал это так проворно, что заставил всех, кто поддерживал его, охнуть от восхищения. Борьба закипела с новой силой.

Уйдя от поражения, Анир старался действовать аккуратно, тратя большую часть времени на то, чтобы не позволять капитану стражи брать себя в захват. Он выматывал своего противника лёгкими перескоками с ноги на ногу и быстрыми сменами положения тела. В конце концов, это принесло свои плоды, неудачно нагнувшись, капитан пропустил его атаку и едва не оказался на земле. Эта оплошность окончательно выбила его из колеи, и, допустив ещё две ошибки, он-таки попал в захват Анира, из которого выбраться уже не смог. Повалив своего противника на песок, Анир вышел из противостояния победителем, позволив своему дяде вплотную приблизиться к его заветной цели.

Борьба продолжалась ещё примерно час, а после, насытившиеся зрелищем, но изголодавшиеся по хлебу, толисцы покинули амфитеатр и отправились на городскую площадь, где заранее были установлены длинные столы, полностью заставленные блюдами и питьём.

Несмотря на то, что был третий месяц зимы, холода на Нар-Толисе закончились ещё в самом его начале. Настал короткий период времени благоприятной температуры (длиной в

пару месяцев) когда жара ещё не вступила в свою полную силу, и люди могли находиться на открытой солнцу площади, не покрывая свои головы защитными тюрбанами.

Все вокруг смеялись и радовались, в воздухе витала атмосфера долгожданного праздника, лишь один человек в толпе не поддерживал всеобщего счастья. Северан хотел отправиться на аудиенцию к султану сразу после того, как закончится гуреш, но Гаспар остановил его порыв, сказав, что Селим не станет говорить с ним, пока не отведаст каждое блюдо на городской площади. Так было заведено издревле, и Северану оставалось лишь смириться и ждать.

Гаспар и Алейна ушли, растворились в гремящей, словно стадо овец на водопое, толпе. Северана же раздражал окружающий шум, его нервировал этот город и все, кто мог радоваться, в то время как королевство катилось к бездне. Мир держался на волоске, он был хрупок и в любой миг мог разрушиться, а они пили и набивали свои бездонные желудки этой пряной едой и даже не могли себе представить, что возможно скоро будут довольствоваться крохами.

Северану было противно на всё это смотреть, и он покинул площадь, бросившись в тень улиц, сбежал от этого назойливого гула и затерялся в узких улочках Диа-Бея. Отрепённый, он просто брёл вперёд, пока неожиданно не вышел к берегу.

Прозрачные волны моря Гейзен мягко бились о прибрежные скалы. Где-то вдалеке пели чайки и другие птицы, слетавшиеся сюда на зиму со всех островов Лордарии. Вероятно, они удивлялись, почему это, находящийся так близко от других островов Нар-Толис, зимой остаётся таким же тёплым и солнечным, как и в другие времена года (даже два самых холодных зимних месяца здесь проходят гораздо мягче, чем на соседнем с ним Ампулхете).

Великие умы Лордарии могли бы сказать им, что это из-за того что Нар-Толис когда-то был частью южных территорий Ливадии. В былые времена он входил в состав огромной безжизненной пустыни, коя после гибели континента целиком ушла под воду. Сам же остров со временем стал более пригодным для жизни, а свою температуру сохранил из-за укрывающего его песка, вдобавок к этому он находился в определённом уникальном положении относительно солнца и из-за этого не был подвержен сильному изменению климатических условий (дожди на нём были редкостью, а снег не выпадал никогда). Острова Ампулхета и Амакенас расположенные восточнее и западнее его соответственно, практически полностью состояли из гористых местностей и от этого их средние температуры были значительно ниже, нежели на Нар-Толисе. А быть может, всё это не имело значения, а всё дело было в том, что остров своего народа откуда-то сверху хранил Толар, не давая ему замерзнуть и поддерживая на нём всегда высокую температуру. У толисцев даже были об этом предания, но в последнее время о них вспоминали не часто, они свыклись с тем, что живут в особенном месте и больше не пытались объяснить сами себе его уникальную природу.

Переведя взгляд на горизонт, Северан на мгновение и сам захотел стать одной из кружащих в вышине птиц, взмыть в небо и улететь в родной Энмарис. Подняться к его высоким башням, покружить над храмом Магуса и уместиться на подоконнике возле окна королевской спальни. Неусыпным наблюдателем следить за Флорианом и проникать в суть его тёмных дел.

Северан с силой сжал кулаки. Как же он хотел отомстить, и увидеть голову того, кто опорочил его девочку, насаженной на пику. Не важно, что случится дальше, убьют его самого или мир перевернётся вверх дном, погрязнув в войне – его всё это не интересует. Прошли те времена, когда Северан радел за всеобщее благополучие. Жизнь научила его тому, что люди – бесчестные, подлые твари, которые за одобрение того кто стоит рангом выше или за туго набитый кошель могут предать, унижить и даже убить. И он стал относиться к ним соответственно, и верить только самому себе. Даже в своих братьях он никогда не был уверен до конца. Роланд был дураком, чванливым бесхребетным олухом, который в упор не видел, куда катится королевство, а когда ему говорили об этом, ничего не хотел слушать. Гаспар же, с которым у него всегда были хорошие взаимоотношения, был до мозга костей помешанным на своём мече

и доспехе. В молодости он буквально жил на рыцарских турнирах и признавал только такие слова как: «дисциплина» и «честь». Конечно, это было неплохо, но этого было недостаточно. Хороший правитель должен знать многие вещи, он должен быть и умён и силён, а не что-то одно из этого.

Последние полгода Северан часто думал о том, как бы повернулись события, если бы не Роланд, а он был королём, или как бы сложилась жизнь, если бы его Маритта не умерла при родах и у Оливии была мать, которая бы уделяла ей больше внимания, чем вечно занятой отец. Возможно, всё было бы иначе, возможно он был бы счастлив, Оливия не покончила с собой, а энмарисцы с хетами не порывались бы вцепиться друг другу в глотки. Но судьба решила всё по-своему, и он остался один, никому не нужный, выброшенный из своего города и покинутый почти всеми своими воинами, кто, прознав, что удача от него отвернулась, немедленно переметнулись на сторону Флориана. Но, несмотря на это, он ещё не сказал своего последнего слова, погрузившийся на самое дно, он больше не мог пасть ниже, но зато мог попытаться подняться.

С такими мыслями Северан бросил последний взгляд вдаль, развернулся и быстрым шагом двинулся обратно в город.

На закрытой тенистой террасе было прохладно и свежо. Посаженные в глиняные горшки пальмы радовали глаз, а изысканные картины, висевшие напротив резного стола, за которым сидели Северан и Селим, придавали этому месту шепотку богатства и роскоши.

Расставив свои фигуры на шахматной доске, Северан с нетерпением взирал на то, как его будущий собеседник медленно передвигает оставшиеся пешки на их места. Ожидая обычной аудиенции, он не думал, что ему придётся играть в шахматы, но таков был обычай, ведь плотно подкрепившись, Толар предпочитал подвигать на нарисованном на песке поле резные камешки и ракушки, которые потом с годами обросли правилами, получили деревянную доску и стали называться шахматами. В это время весь город замирал, погружаясь в игру, коя могла продлиться до глубокого вечера.

– Я надеюсь, – наконец расставив все свои фигуры, проговорил Селим, – что ты, принц крови, знаешь правила этой игры.

– Мне доводилось, – кивнул Северан, – ещё ребёнком играть в неё со своими братьями, поэтому да, я знаю, как ходят фигуры.

– В таком случае, начинай, – Селим ухмыльнулся и жестом указал на его половину доски, – белые всегда ходят первыми.

Северан, недолго думая, двинул вперёд пешку и игра началась. Султанай ответил ему своим ходом, а затем негромко сказал:

– Ты уже давно хотел держать передо мной слово, но, я опасался последствий того, что оно может с собой принести. Сейчас же мои уши открыты, а разум внимлет тебе, говори всё, что у тебя на уме.

Северан вывел в атаку своего коня и прикрыл им пешку. Он ждал этого разговора долгие месяцы и, наконец, этот момент настал.

– Я хотел, – начал он неуверенно, – обратиться к вам с просьбой о помощи и поддержке.

– И какого же рода они тебе нужны?

– Самые большие из всех возможных. Ваша сила, ваши клинки и ваша власть. Я желаю отомстить Флориану, вероломному негодяю...

– Воздержитесь принц, – осадил его Селим, – от произношения таких резких слов, не забывайте, что вы находитесь в доме султана, который пока ещё остаётся верен королю Лордарии.

– Простите, о, великий султанай, – Северан постарался успокоить разгорающийся внутри гнев, – но мне тяжело видеть то, что он делает с нашим королевством.

Селим атаковал слоном вражеского коня, но тут же потерял его под ударом белой пешки.

– И ты хочешь, чтобы я выступил войной против Энмариса? Хочешь, чтобы я дал корабли, воинов и двинулся на город, союзниками которого мы были больше двенадцати столетий?

– Это не совсем так, повелитель, – ответил Северан, и тут же добавил: – но возможно в будущем это придётся сделать.

– Но какая мне с этого выгода? – Селим посерьёзnel и сделал рокировку ладьи и короля. – Насколько я знаю, союзников у тебя нет, и ты даже не следующий в очереди на престол. Скажи, поддерживают ли твои устремления братья короля?

Северан выдохнул и покачал головой.

– Я посылал к ним голубей но так и не получил ответа.

– Вот видишь, – развёл руками султанай, – у тебя нет ни людей, ни кораблей, ни поддержки. И всё это ты хочешь взять у меня. Но, я повторю, зачем мне тебе это давать? Почему мне просто не связать тебя и с первым же кораблём не отправить в Энмарис? Молодой король будет рад этому дару, и мой союз с ним станет лишь крепче. Скажи, что может помешать мне, сделать всё это?

Северан съел ферзём несколько пешек и вернул его к своему королю. Он ждал этих вопросов и готов был ответить на каждый.

– Флориан, – Северан специально называл его по имени без титула, – правит жёсткой рукой, он сажает в тюрьмы всех кого считает неудобным своему правлению. В спокойные времена это возможно стало бы гарантом крепости его власти, но сейчас это не так. Не пройдёт и двух недель как сойдут последние снега, и он пойдёт войной на хетов. Война неизбежна, и он втянет в неё и вас, потому что не сможет победить сам. Я долгие годы жил на Ампулхете и знаю, на что способны хеты. Возможно их флот меньше и слабее энмарисского, но за свой остров они будут биться до последнего человека. Войска Флориана захлебнутся в крови и он, как и его предшественник почти три сотни лет назад, созовёт под свои знамёна эгондов, лагартов и толисцев. Вы вновь окажетесь втянуты в чужой конфликт, войдя в который, лишь сделаете Флориану одолжение. С вашей поддержкой он быстро закончит войну и продолжит править королевством железной рукой. Флориан не Роланд, он умнее отца, но также и гораздо безумнее и жёстче. Он склонен впадать в гневные припадки, и поступать опрометчиво и глупо, вопрос времени, когда он обложит острова новыми непомерными налогами. Я думаю, не побрезгует он и тем, чтобы вмешаться в жизнь Нар-Толиса, если увидит в вас достойного противника...

– Я не пойму тебя, принц крови, – насторожился Селим, – неужели ты ведёшь к тому, что королю Флориану нельзя позволить выйти победителем из предстоящей войны?

– Да, о великий султанай, – прочеканил Северан и, выдвинув ладью, сделал шаг королю, – этого нельзя допустить ни в коем случае.

Селим растерянно почесал затылок, затем прикрыл своего короля конём и недоумённо проговорил:

– Но ведь Берингар убил твоего брата, он узурпировал власть и сверг законного хёвдинга Меинхарда. Победа энмарисцев в этой войне не только законна, но и справедлива.

– Справедливости в этом мире не существует, повелитель, – Северан откинулся на спинку своего кресла и внимательно посмотрел на Селима, – хеты виноваты, и в своё время они поплатятся за свои дела, но если дать Флориану сейчас победить, то в ближайшем будущем страдать будут все народы Лордарии.

Султанай хмыкнул, поднял своего ферзя и силой саданул им об слона Северана, в глазах его вспыхнул недобрый огонёк и, еле сдерживая себя, он сурово прикрикнул:

– И что ты требуешь?! Чтобы мы объявили войну Энмарису?! Чтобы мы объединились с хетами?! Или...

– Ничего из этого, – попытался успокоить его Северан, – я лишь хочу попросить вас, когда Флориан приползёт к вам за помощью не дать её ему. Воздержитесь и посмотрите на то, как будут развиваться события, и когда наступит удачный момент, громко заявите о себе, и помогите всем нам спасти королевство от ожидающего его хаоса.

– Но этот момент может и не настать, – сбавив свой напор, спокойно сказал Селим, – и тогда гнева короля обратится против меня.

– А так ли он страшен для вас? – неожиданно спросил Северан. – У вас самая большая армия на всех островах, вы мудрый правитель, которого любит народ, Флориан утомит своих воинов в битвах с хетами, в то время как защитники Нар-Толиса будут свежи и крепки. Окажите ему сопротивление! Пройдёт совсем немного времени, и жители островов поймут, какой он человек, они были сыты по горло правлением его отца и второго такого же короля не станут принимать. Выступите против него, и я гарантирую, что вас поддержат. Заявите о себе и Энмарис будет считаться с вами. Он перестанет смотреть на вас свысока, и относиться к вам как к своим рабам.

Распалившись, Северан перешёл в атаку и на шахматном поле боя, двинув вперёд все свои силы, он загнал чёрного короля в угол, и после нескольких удачных ходов поставил ему мат.

Задумчиво посмотрев на гибель своего «правителя», Селим опёрся о подлокотники кресла и неспешно поднялся.

– Твои слова горячи, – кивнул он Северану, – а ум остёр. Но это непростое решение, и я не могу принять его в одночасье. Пока что, я согласен лишь с тем, что нам всем нужно подождать и посмотреть, как сложится наше ближайшее будущее, а уже потом решать как будет лучше для моего и твоего народа.

Развернувшись, султанай покинул террасу, оставив Северана в одиночестве радоваться своему успеху. Ведь несмотря на то, что Селим не дал ему никаких обещаний, он всё же задумался о его словах, и самое главное, не выгнал его прочь. Это дорогого стоило и давало надежду на то, что он ещё сможет покончить с Флорианом. Впервые за долгое время Северан почувствовал себя по-настоящему живым и полным сил, и он свято верил, что эти силы ему вскоре понадобятся.

Вечер подкрался незаметно, врываясь в утомлённые долгой шахматной игрой умы весёлой музыкой и танцами. По традиции День Толара завершался слушанием менестрелей и созерцанием элегантных движений танцовщиц. Всё это действие вновь развернулось на площади, которая, едва солнце ушло за горизонт, мгновенно наполнилась людьми.

Султанай занял своё место на специально собранном для него помосте. Он восседал на инкрустированном драгоценностями и золотыми вставками троне и был невероятно горд собой, хоть и не подавал виду. Подле отца на тронах поменьше сидели два его сына, близнецы Доган и Илкер. Будущее толисцев, главная его надежда и такое же главное разочарование.

Увы, годы показали, что в них обоих (переступивших недавно за порог сорокалетия) нет почти ничего от их отца. Ни его хитрости, ни его изворотливости, ни его способности находить выгоду в любых даже самых опасных ситуациях. Они были прямолинейны и просты и в этом пошли в свою мать, покойную Залию, прекрасную женщину, которая была хорошей женой, но в один прекрасный солнечный день не смогла пережить двойную порцию яда, оказавшуюся в её бокале вина. Селим долго пытался найти её убийцу, тряс весь остров обещанием неминуемой кары, а затем, когда её смерть перестала волновать умы толисцев, быстро собрал себе

целый гарем наложниц и стал пользоваться плодами своей хитрости – убить ту, что больше не радовала его своим присутствием и обзавестись теми, кто продлевали его молодость, добавок к этому были покорными и очень красивыми. Он не жалел о содеянном, лишь немного печалило его, что возможные бастарды от наложниц не могли претендовать на трон, и будущее Нар-Толиса, после того как он покинет этот мир, виделось ему смутным.

Задумчиво переведя взгляд с одного сына на другого, он вспомнил о том, какими они были в юности. Горячие, пылкие порывы молодости... они стремились нести пользу своему народу и оба, не задумываясь, дали обет и стали Воинами Толара. Глупцы, сделали это без его ведома, и, узнав об этом, Селим был взбешён, ведь обет предписывал не только помогать всем нуждающимся и нести неверующим свет единого бога Толара, он ещё и запрещал всем давшим его вступать в брак и заводить детей, а это означало что через поколение султанайский род просто прервался бы.

Селим не мог этого позволить и пошёл наперекор всем законам. Втайне он начал отправлять к своим сыновьям одну за другой самых красивых девушек, которых находил по всему острову. Он пытался сломить их дух и заставить нарушить обет. Доган стойко выдержал все искушения, а вот Илкер поддался очарованию некой Танели, и не прошло и года как она понесла ребёнка, мальчика Бальту, которому в следующем году уже исполнится двадцать лет.

Селим был этому несказанно рад, чего не скажешь о Верховном пророке Толара Инмаре. Он едва не довёл дело до самосуда, науськивая толисцев поднять клятвопреступника на вилы. Старый дурак, благо его сразила болезнь, и он остался в Толисе, иначе султанаю весь день пришлось бы выслушивать его высокопарные бессмысленные речи. Тогда двадцать лет назад Селим применил всю свою власть чтобы сохранить сыну жизнь, и сейчас был очень этим доволен, ведь Бальта рос неглупым человеком с хорошими задатками правителя и у Нар-Толиса всё-таки был шанс на светлое будущее.

Впрочем, не один Инмар был недоволен поступком Илкера, его родной брат Доган с тех пор относился к своему брату с презрением и считал его предателем. И дело тут не столько в том, что он нарушил обет, а в том, что, будучи Воинами Толара, после смерти своего отца они оба должны были стать султанами, но поскольку Илкер продолжил свой род, то он нарушил их договор и стал прямым наследником. С тех пор меж братьями больше не было прежнего понимания, они отдалились друг от друга и пересекались только на крупных праздниках подобных Дню Толара. И сегодня у султана была отличная возможность обсудить с ними то, что уже давно зрело в его разуме, но только в последние часы обрело осязаемое состояние.

Убедившись, что в их сторону никто не смотрит, Селим подозвал к себе обоих сыновей и шёпотом, так чтобы ни чьи лишние уши не услышали его слов, сказал:

– Нынче днём мой стражник на арене поддался сыну принца крови, и я получил возможность поговорить с Севераном без косых взглядов его племянника с Энмариса. Наш разговор был тяжёлым, но интересным, по ходу его, правда, я не узнал ничего нового, но зато понял, что наш гость готов на всё, чтобы убить Флориана, в том числе и сделать наше влияние при королевском дворе значительно большим, чем оно есть на самом деле. Я слушал его как боязливый трус, опасаящийся принимать резкие решения, и ничего не обещал, хотя он и это воспринял как свою личную победу. В моём же понимании наша реальность такова – мы, дети мои, не станем поддерживать короля Флориана. Я устал подчиняться молодым дуракам, сидящим на троне Энмариса, устал, что о нас постоянно вытирают ноги. У нас самая большая армия в королевстве и, начиная с завтрашнего дня, вам нужно привести её в полный порядок. Мы давно ни с кем не воевали, и наши мечи покрылись ржавчиной. Вы должны счистить её, когда придёт время, мы вступим в бой, как единая сила, которая приходит и забирает своё. Мы заставим всё королевство признать наше величие. Я долго ждал этого момента и безумно благодарен хетам за то, что они убили этого дурака Роланда и развязали войну. Теперь мы, наконец, сможем изменить старые устои и поднять власть Нар-Толиса выше всех остальных.

Братья слушали своего отца внимательно и сосредоточенно, удивлённые, они не сводили с него своих взглядов и когда он замолчал, некоторое время не могли найти в себе силы чтобы что-то ответить. Наконец, Илкер произнёс:

– Но не слишком ли рискованно, о, мудрейший, нам сейчас вступать в войну?

– Сейчас мы в неё и не вступим, – разозлился на его глупый вопрос Селим, – мы дождёмся нужного времени, самого удачного для нас времени и тогда, когда никто не будет ожидать этого, ударим в самое незащищённое место и возьмём своё.

Илкера такой ответ не обрадовал, Доган же наоборот поддержал слова отца, сказав:

– В таком случае, о, великий, я уже с завтрашнего дня начну проверки всех наших сил, чтобы в нужный час воины Нар-Толиса были готовы победить или отдать свои жизни за процветание нашего народа.

Селим улыбнулся и, кивнув, жестами призвал сыновей вернуться на свои места, покуда никто не обратил внимания на их перешёптывания. Тем временем День Толара подходил к своему завершению. Но то, что кончается, всегда даёт начало чему-то новому и Селим верил – это новое принесёт ему великую славу и вечный почёт.

Глава 3. Война начинается

Флориан поплотнее укутался в свой меховой плащ. Несмотря на то, что последние дни зимы были уже позади, холодный весенний ветер не давал королевству окунуться в подступающее тепло, но зато он не был помехой для короля объявить войну.

Больше полугода прошло с тех пор, как он должен был сделать это. Но как оказалось, не все в столице были едины в этом мнении. Да и не все в принципе стремились поддерживать его и называть своим повелителем. Многие представители знатных домов Энмариса, после того как Северан с позором покинул город, чуть ли ни в открытую выразили ему своё неповиновение. Они провоцировали его, желая свергнуть и вернуть обратно Северана, речи которого считали правдой.

Но они не знали на кого нарвались. Флориан не был похож на своего отца. Роланд бы попытался со всеми договориться, задобрить бы своих врагов обещаниями и только потом, если бы слова не помогли, пустил в ход мечи, направив на них своего цепного пса Кловиса. Все боялись этого старого вояку гораздо больше, чем его отца, но когда его не стало, их страх ушёл, и они стали позволять себе много лишнего в своих речах.

Поняв, что перед ним стоит, Флориан первым делом определил союзников. Всех тех, кому он мог доверять – знать, шевальеров, винконов и баннорнов. Последних было всего трое из пяти. Оставшиеся двое не приняли его приглашение и во всеуслышание выказали свою неуверенность в том, что руки короля не запачканы кровью его сестры.

Это обвинение стало последней каплей, и Флориан перешёл к открытым действиям. Первым же своим указом как он и обещал ранее, он пожаловал своему спасителю и другу шевальеру Лайонелу титул баннорна, тем самым отобрав его у того, кто выступил против его власти. Это решение понесло за собой ответные действия, которыми противники Флориана собрали своих сторонников, подогрели чернь и двинули её к дворцу.

Несмотря на то что, уже близился самайн, на улицах Энмариса стало по-настоящему жарко. Королева призывала Флориана поговорить с людьми и успокоить их, но, он решил, что лучше языка его волю донесёт острая сталь. Против взбунтовавшегося люда выступили законные в латы воины его личной гвардии. Король проявил силу и показал всем, что бывает с теми, кто не признаёт его власти. Бунт разбился о скалы его железного нрава, а после того как чернь поджав хвосты разбежалась по домам, начались жестокие облавы на её предводителей. Людей вытаскивали из их постелей и полуголыми тащили в тюрьмы, особняки знати предавались огню, а все кто пытался помешать акту мести, немедленно причислялись к бунтовщикам и участь их была незавидна.

Так прошёл месяц. Долгий, жестокий, он показал энмарисцам, что представляет из себя их нынешний король. Кто-то стал восхищаться им ещё больше, кто-то наоборот боялся его и подчинялся из страха, а кто-то тихо шептал, что теперь всё будет по-другому, и не уточнял, в хорошую сторону изменится жизнь или в плохую. Но в любом случае больше никто не выступал против Флориана в открытую. Все мятежные речи прекратились, и в Энмарис наконец-то пришло спокойствие. Оно накрыло столицу вместе с первым снегом, который смыл остатки крови с улиц.

Покончив с бунтовщиками, Флориан обратил свой взгляд в сторону хетов, но пока только пустые проклятия мог он отправить в их сторону, ибо пришедшая в королевство зима наложила вето на все военные действия вплоть до своего окончания. И Флориан, набравшись терпения, стал ждать возможности отомстить убийцам своего отца.

Что же касается их, то ещё в ман фюере у короля попросил в письме аудиенции узурпатор Берингар. Он клятвенно заверял, что в убийстве его отца виновны лагарты, что это якобы они

послали своего убийцу шархари, и он вероломно лишил жизни правителя Лордарии. В свою очередь, после такого обвинения варны не стали молчать и немедленно обвинили Берингара во лжи. Они заявили, что не причастны к смерти короля, и что хёвдинг хетов пытается их подставить. Сам Флориан был склонен согласиться с их словами. Он не видел никакого мотива лагартам убивать его отца, в то время как хеты издревле являлись противниками энмарисцев, да и мало того, сразу по прибытию Роланда на Ампулхету, они устроили в Шлейхте волнения, которые к ночи переросли в полноценное восстание, кое в итоге сменило на острове власть. Поэтому как бы Берингар не хотел поговорить, Флориан отказал ему.

А потом наступило время ждать и готовиться и, наконец, оно закончилось. Неделю назад, когда последние снега истаявали на берегах островов королевства, король приказал снаряжать корабли и их команды к предстоящему карательному походу. И сейчас, в последний раз перед отплытием он любовался растекающимся по горизонту закатом. Подумав о том, что ему предстоит сделать завтра, Флориан окликнул слугу, который безуданно ожидал своего повелителя за балконными дверями, и приказал ему привести хёвдинга Меинхарда.

За всё время, прошедшее с того, как бывший правитель хетов появился во дворце, Флориан мало с ним разговаривал. С одной стороны, в последние месяцы Меинхард не отходил от своей жены, которая, по словам врачей, лишь чудом пережила роды, и их дочери Каролайн, а с другой, несмотря на то, что Флориан сочувствовал ему, он также за глаза обвинял его в гибели своего отца. Ведь именно его оплошность привела к тому, что Шлейхт захватили силы Берингара. Он был слаб и бесхарактерен, да ещё и вдобавок к этому, не успев прибыть в Энмарис, породил своим появлением волнение среди местных хетов. Все они немедленно поспешили к дворцу в желании принести ему присягу на верность. В это же время Флориан подавлял по всему городу бунты, и их появление, да ещё чуть ли не в полном составе, вывело его из себя. Энмарисцы и так были на пределе, и он с молчаливого согласия позволил им сорвать свою злость на собравшихся хетах. Встреча Меинхарда с его соплеменниками закончилась кровавой стычкой. Энмарисцев было больше, они жаждали отомстить, и им было совершенно плевать, что жившие в их городе хеты не имели никакого отношения к тому, что случилось в Шлейхте. Меинхард попытался воззвать к порядкам, но никто его слушать не стал. С тех пор между двумя правителями обозначился заметно ощутимый холодок. Но завтра они должны были вместе на одном корабле отплывать на войну, поэтому Флориан решил немного сгладить углы в их не сложившихся отношениях.

Меинхард прибыл быстро, не заставив себя долго ждать. Флориана порадовала такая поспешность, и, первым делом как хёвдинг хетов пришёл, он проявил заботу, предложив ему укрыться меховым плащом, который на всякий случай держал под рукой его слуга.

– Благодарю, Ваше Величество, – вежливо отказался Меинхард, – но моя природная сущность не позволит мне замёрзнуть.

– Наверное, это очень удобно, – улыбнулся Флориан, – сейчас ты можешь быть в человеческом облике, а подует ветер и ты уже волк.

– Это не так однозначно, как может показаться на первый взгляд, но к этому быстро привыкаешь.

Меинхард поравнялся с королём, и Флориан отметил, что хет изменился с тех пор, как они последний раз виделись. Тяжёлые роды жены и постоянные переживания за свой народ сделали его старше своего возраста и добавили ранее мягким чертам его лица оттенок суровости.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – Флориан перевёл взгляд обратно к горизонту, – меня тоже хотели лишиться законной власти, я уверен и сейчас мой дядя плетёт против меня козни, но они не имеют значения. Мы должны отомстить Берингару, отомстить за моего отца и за твой трон.

– Да, Ваше Величество, – согласился Meinхард, – и, в свою очередь, я обещаю, что как только его голова слетит с плеч, хеты сложат оружие. Он один держит их подле себя, но едва его убьют и все его сторонники разбегутся.

– Но пока он жив, они будут биться до конца, – почувствовав, что ноги под плащом начинают коченеть, Флориан сменил их положение и растёр подмёрзшую кожу руками. – Увы, у наших народов плохая история взаимодействия. Мы постоянно воюем друг с другом, и, я думаю, что нам обоим нужно быть готовыми к тому, что это противостояние затянется. Я не хочу этого, но возможно по-другому не получится. И мне важно, чтобы ты был моим союзником, чтобы ты понимал, что мы делаем одно дело, и когда Берингара не станет, смог донести до своего народа, что эта война была вынужденной, чтобы ты смог заставить их прекратить сражаться.

Флориан наконец сказал то, чего опасался. Несмотря на то, что его отец доверял Meinхарду, он не был уверен, что после гибели Берингара этот хет удержит власть в руках и не прогнётся под желание хускарлов продолжить войну.

– Иного и быть не может, – постарался убедить его в обратном Meinхард, – я никогда не желал сталкивать два наших народа, наоборот, я всячески сдерживал любые порывы развязать распря и продолжу заниматься этим снова, когда вернусь на Ампулхету.

Meinхард замолчал, а после, взглянув на Флориана, неуверенно произнёс:

– Дозволено ли будет, Ваше Величество, мне высказать некие опасения относительно ваших действий?

Флориан не ожидал такого поворота событий, и немало удивился наглости хета, впрочем, он сам хотел наладить отношения перед отплытием, и раз уж он выразил свои сомнения насчёт лояльности Meinхарда, то и хёвдингу тоже можно высказать то, что его не устраивает, только, разумеется, в мягкой не приказной манере, а иначе Флориан может и разозлиться. В конце концов, если Meinхарда вдруг не станет, он без труда сможет найти другую марионетку, и будет дёргать за ниточки, не опасаясь, что она вдруг станет критиковать его действия.

– Если тебя что-то тревожит, – как можно более мягче сказал Флориан, – то скажи мне, и мы это обсудим.

Meinхард нервно пригладил рукой, развевающиеся в стороны волосы, собрался с духом и, наконец, облегчил душу.

– Это касается недавней показательной казни.

Флориан скривился. Meinхард затронул неприятную для него тему. Три мага Академии планировали устроить покушение на его жизнь. И мало того, они ещё собирались завладеть Медальонами Запретных Сил. Прокляни их великий Магус, если бы им это удалось, всё королевство было бы в смертельной опасности, но благо Гримоальд зорко следил за всеми нарушениями и быстро заподозрил, что в стенах Академии происходит что-то неладное. Разоблачив коварный план предателей, он призвал в Академию адептов Ордена Рун, и их бесславный бунт закончился, не успев толком начаться.

– Что же было с ней не так? – насупившись, произнёс Флориан, хотя уже догадывался, что скажет ему Meinхард.

– Меня настораживает тот факт, что из трёх негодяев вы выбрали для неё именно хета, – дрожащим голосом, пытавшимся имитировать уверенность, проговорил Meinхард, – хотя, вы ведь могли казнить энмарисца который затеял всё это... Просто, я думаю, что такие казни не помогут сплотить оба наших народа, а лишь сильнее обозлят их друг на друга.

Закончив, Meinхард испуганно посмотрел на Флориана, пытаясь прочесть в его непроницаемом лице, не перешёл ли он черту. Король сменял свои эмоциональные состояния так же часто, как султанай Селим своих наложниц, и буря могла в любой момент накрыть этот, ничем от неё не защищённый, балкон.

Но в этот раз Флориан предпочёл гневу милость. Улыбнувшись, он приобнял хёвдинга за плечи и увёл его за собой в сторону двери.

– Дорогой Меинхард, у меня вызывает глубокое уважение, – Флориан врал, и эта ложь казалась ему забавной, – твоя приверженность твоему народу, но я казнил хета не потому, что хотел вас побольнее уколоть, – именно поэтому он это и сделал, – а из-за того, что он всю дорогу до тюрьмы обливал слезами синие плащи и умолял отпустить его, говоря, что его насильно заставили вступить в ряды мятежников, – такого не было, хет принял свой удел со стойкостью. – Понимаешь, он не вызывал ничего кроме отвращения, те два ублюдка хотя бы смогли с честью принять свой позор, он же был просто бесхребетной сволочью, и когда пришёл черёд выбирать, кого же из них казнить, в назидание другим, я без раздумий выбрал этого слабака, чтобы другие подобные ему, ведомые и только и жаждущие кому-нибудь подчиниться, несколько раз подумали, прежде чем делать шаг, который приведёт их к бездне.

Флориан не знал, удовлетворил ли Меинхарда его ответ, в сущности, ему было на это плевать, пусть только хеты проиграют войну и он, не таясь, покажет им, где находится их место – в ошейнике подле ноги хозяина.

Ветер подул с новой силой и сделал дальнейшее пребывание на балконе невозможным, во всяком случае, для Флориана. Обменявшись с Меинхардом крепким рукопожатием, он, в большей мере удовлетворённый их разговором, поспешил вернуться во дворец. Следующий день обещал быть очень тяжёлым, и Флориан решил дать своему телу и разуму больше времени на отдых.

Однако не все были с этим согласны. В частности против этого была королева Селестина. Мать ждала его в его спальне, и едва Флориан вошел туда, втянула его в неприятный разговор, который он, как мог, оттягивал уже несколько месяцев.

– Послушай, Флориан, – скрестив руки на груди, тоном, не терпящим возражений, проговорила королева, – когда ты убрал меня подальше от своих дел, я смирилась. Когда ты молча взирал на то, как твой народ на улицах убивает друг друга, я не сказала тебе ни единого худого слова, взамен же этого я лишь просила тебя пойти мне на встречу и, наконец, выбрать себе жену.

Флориану хотелось провалиться сквозь землю, в последние месяцы мать только и делала, что неусыпно напоминала ему о том, что королю не предстало быть одиноким.

– Как ты не понимаешь, – продолжала она свои нравоучения, – что тебе нужно как можно скорее обзавестись наследником. Это добавит тебе веса и поддержки энмарисцев, да и самому тебе станет гораздо легче, женская рука в управлении королевством никогда не бывает лишней, и раз уж мои советы ты слушать не хочешь, то уважь свою мать и найди себе королеву.

Просто сказать, да невозможно сделать. Флориан любил женский пол, правда, став королём ему пришлось избавиться от собственного борделя – горожанам нужен был лишь один повод, любое подтверждение слов Северана, и Флориана бы не спасла и вся его армия. Поэтому он, скрепя сердце, решил уничтожить то, что так долго грело его израненную душу. Однако встречи с девушками он не прекратил, просто стал проводить их осторожно и очень редко. Но это всё равно было не то, чего он хотел. Единственная девушка, которую он мог назвать своей королевой, уже два с половиной года покоилась в сырой земле, а даже будь она жива, никто бы не одобрил их союз. А все остальные, они были недостойны его и от этого не имели никаких шансов завоевать его сердце.

– Сын мой? – увидев, что Флориан погружён в свои мысли и перестал её слушать, окликнула его Селестина.

– Да, мама, – поспешил он оправдаться, точно так же, как это было в детстве, – я слышу всё, что ты говоришь, и я знаю, что ты желаешь мне добра, но сейчас, когда мы стоим на пороге войны, я не могу думать о браке. Сначала я должен отомстить за смерть отца, а уже потом заниматься поисками той, с кем бы смог провести остаток своей жизни.

Горестно поджав губы, Селестина медленно подошла к сыну и заключила его в свои объятия. Флориан почувствовал, как под толстой тканью билось её сердце, сейчас его стук был гораздо быстрее, чем обычно.

– Ты храбр, – прошептала ему мать, – и очень смел, твой отец в твои годы не смог бы сделать того, что делаешь ты, и я горжусь тобой, и люблю тебя, – она отстранилась и внимательно посмотрела Флориану в глаза. – Но у тебя, как и у любого человека внутри есть тьма. Тьма, которую может победить только любовь, моей, увы, недостаточно, как и недостаточно любви твоих братьев и сестры, тебе нужна любовь женщины, это поможет, сын мой, она излечит тебя от всех нев...

Флориан не дал ей договорить, все эти разговоры зашли уже слишком далеко и его начало это раздражать.

– Я понял мама, – отрезал он, – и как уже сказал ранее, я задумаюсь об этом после того, как размажу хетов об их вшивый остров!

Вздвогнув от его резкости, Селестина хотела было двинуться к выходу, но как быстро вспылит, также быстро Флориан и успокоился, он схватил мать за руку и повернул к себе.

– Прости меня, – извиняющимся тоном произнёс он, и тут же переменял тему, – в моё отсутствие я могу доверить управление Энмарисом только двум людям, тебе и Гримоальду. Возьми город в свои руки и не дай ему снова впасть в смуту.

– Хорошо, сын мой, – на её губах промелькнула лёгкая тень улыбки, – ты можешь на меня положиться.

А затем она поцеловала Флориана в лоб и ушла, оставив его наедине со своими мыслями. И мысли эти были не о предстоящей войне, нет, они были о той, что была для него верхом блаженства, о той, что приходила к нему во снах, и они были вместе снова и снова до скончания веков. Она не могла больше явиться ему наяву, но она всегда была в его мечтаниях и сладких грёзах, и только в них он был по-настоящему счастлив.

Флориан погасил свечи и, в вождении вновь увидеть её во сне, окунулся в мягкость кровати и отдал ей свою бодрость и разум.

Свежее мартавское утро подняло весь город с рассветом. Старики, женщины, дети, простолюдины и представители знатных домов, все они проснулись так рано, чтобы успеть к отплытию энмарисского флота. Он долго ожидал своего часа, прозябая возле пристани, как страшный зверь, что затаился, но всегда готов к броску, и вот сейчас пришло время ему пробудиться от спячки, воспрянуть духом и встать на защиту своего народа.

Несмотря на то, что не все горожане одобряли действия Флориана, они были согласны с ним в том, что смерть короля Роланда должна быть отмщена. И поэтому этим утром Флориан в полной мере испытал поддержку своего народа. Ему кричали, его поливали овациями и желали удачи. Весь путь от дворца да порта он буквально купался в лучах одобрения и поддержки своего народа. В те минуты он свято верил, что худшие времена уже позади, что остаётся лишь победить хетов и энмарисцы забудут о речах Северана, и примут его с распростёртыми объятиями, триумфатора и победителя, короля, который довёл начатое дело до конца.

Ступив на борт одной из каравелл – уникальных боевых кораблей, коих во всём королевстве было всего три, и все они принадлежали энмарисцам, Флориан в последний раз взглянул на раскинувшийся перед ним огромный город, и отдал команду поднимать якоря.

Энмарисский флот вышел в плавание.

– Ваш Величество, не извольте беспокоиться, – пробасил винкон Луис, – мы их быстро размажем, они нам совсем не противники.

Флориан натужно улыбнулся. Выбрав корабль этого винкона, король ожидал комфорта и безопасности – одна из трёх каравелл, хорошо оснащённая, идущая в арьергарде флота, она была идеальным местом, чтобы посмотреть за сражением издалека, но перед тем как ступить на её борт, Флориан не подумал о том, что ей командует самый болтливый и глупый винкон во всём энмарисском флоте.

Луис был потомственным моряком, и уже с рождения его судьба была предрешена – он пошёл по стопам своих предков, однако повторить их славу ему пока не удалось. Грузен, ленив, он был только и способен на то, чтобы вечно находиться в глубоком резерве, чему, впрочем, был несказанно рад.

– Все эти кровавые схваты, – сказал он в первую же беседу с королём, – это всё для меня непросто, я хорошо веду судно, могу выбирать курс и быть на подхвате, но вступать в бой... Но только это, вы не волнуйтесь, Ваш Величество, если хеты вдруг прорвутся к нам, чаго конечно не случится, мы им мигом покажем зубы, только и успеют свои мокрые хвосты поджать!

Ещё тогда Флориан понял, что имеет дело с трусом, но, в его защиту, он и правда умел управляться с судном, поэтому и был капитаном одного из трёх уникальных кораблей. Каравеллы были величественным достижением энмарисских кораблестроителей – большие трёхмачтовые судна, длиной почти в сорок метров и экипажем, состоящим из шестидесяти самых лучших моряков во всём королевстве каждая. Каравеллы были гордостью Роланда и гордостью Энмариса, поэтому прошлый король и назвал их: первую в свою честь: «Король Роланд» вторую в честь своего города: «Энмарис» а третью посвятил тому, без кого в этом мире не было бы магии, и назвал её: «Магус». Именно на этой каравелле и плыл Флориан, а с ним его верный шевальер, ставший недавно баннорном, Лайонел и хёвдинг Меинхард.

– У хетов оно же как, – продолжал тем временем свои размышления вслух Луис, – вся сила в них самих таится, но вот только опасны они лишь в ближнем бою, а вот если закидать их, стало быть, магией иль даже стрелами простыми, то, что они могут противопоставить, а? Правильно, ничего!

Флориан уже порядком устал от своего собеседника и с радостью бы его покинул, да только на корабле в открытом море сбежать некуда. И вероятно король бы ещё долго выслушивал речи Луиса, если бы его не спас Лайонел. Подойдя к ним, он испросил разрешения у винкона переговорить с правителем Лордарии с глазу на глаз, и после того как тот удалился, улыбнувшись, проговорил:

– Я заметил, что Луис способен не замолкать несколько часов к ряду, Ваше Величество, вот и решил прийти вам на помощь.

– И за это я тебе безмерно благодарен Лайонел, – облегчённо вздохнул Флориан. – В очередной раз ты меня спасаешь.

– Рад быть полезным, Ваше Величество.

А Флориан был рад, что один из немногих кому он мог доверять свою жизнь был сейчас вместе с ним. После того как он назначил Лайонела баннорном у него стало очень много дел, но, тем не менее по-прежнему будучи шевальером, он помогал Флориану наводить в Энмарисе порядок. Иной раз запугиванием, а иногда и применением силы, Лайонел лично закрывал рты всем недовольным политикой Флориана. Впрочем, он был не только правой карающей рукой короля, но и его мудрым советником, именно благодаря его советам, к которым Флориан прислушивался, несколько опальных знатных домов сохранили своё существование. Ценивший его слова и дела Флориан, объявив хетам войну, не мог не взять его с собой.

– Мы плывём уже больше суток, но горизонт по-прежнему чист, – Флориан внимательно посмотрел на Лайонела, – как ты думаешь, примут хеты вызов или закроются в Шлейхте?

– Судя по тому, что я узнал о Берингаре, – ответил шевальер, – я думаю, он достаточно вспыльчив и захочет сражаться.

– И это, скорее всего, сыграет нам на руку, – Флориан развернулся и устремил свой взгляд вдаль, туда, где тёмно-синее море сливалось с нежно голубым небом. – В Энмарисе на совете, командующий нашим флотом винкон Адальрик, – человек которого Флориан безмерно уважал и даже немного побаивался, высокий, подтянутый – он был полной противоположностью Луису – мало говорил, но за свои слова всегда отвечал, – на бумаге буквально уничтожил вражеский флот.

– Его тактика определённо вызывает уважение, Ваше Величество, – согласился с ним Лайонел, – выдвинутые в авангард галеры под прикрытием коггов рассекут вражеский строй как нож масло, и битва может закончиться, ещё не начавшись.

– Да... – протянул Флориан, – и стоило оно того, начинать эту войну. Не хотел бы я оказаться на месте Берингара, а если бы даже и оказался, то заперся бы в своём городе и не выходил бы за его стены. Лучше уж быть запертым, но живым, чем свободным, но мёртвым.

Лайонел на это ничего не ответил. Он не был согласен с этим мнением короля, но решил не вступать в спор, в конце концов, они сражались на стороне правды, а значит, эти рассуждения не имели особого смысла.

Их разговор постепенно сошёл на нет, но они так и остались стоять возле борта, Флориан – смотреть вдаль и всё больше и больше погружаться в свои мысли, а Лайонел – защищать его от надоедливого внимания винкона Луиса, который тем временем нашёл себе новую «жертву» в лице Меинхарда.

Изгнанный хёвдинг хетов лишь делал вид, что слушает его, весь словно сотканный из тревоги и сожаления, он полностью закрылся в своих мыслях. Думал о том, как повернулись события, предполагал, что сказал бы ему отец и понимал, что едва ли их разговор закончился бы хорошо. А ещё Меинхард ощущал всю полноту своего бессилия. Правитель народа, над которым вновь собрались грозные тучи, он был вынужден стать сторонним наблюдателем, не способным повлиять на молниеносно развивающиеся события. Его словно выбросили за борт, и он с одним веслом на полусгнившей лодке бросился догнать свой корабль. Только как бы он ни старался, корабль уплывал всё дальше и дальше, пока, в конце концов, не исчез за горизонтом, оставив Меинхарда дрейфовать и думать о том, что он сделал не так, и почему хускарлы поддержали Берингара – вероломного убийцу развязавшего войну. Где-то внутри Меинхард всё же надеялся, что хеты поступят благоразумно и с белым флагом преподнесут Флориану заляпанную кровью, лишённую жизни, голову белого волка. Но, с другой стороны, он слишком хорошо знал норы хетов, и понимал, что, если кто-то объявит им войну, они вступят в неё, и будут биться пока земля не уйдёт в море, и прежний мир не перестанет существовать. И, словно какая-то высшая сила извне услышала его мысли и подтвердила их, налетел резкий порыв ветра и откуда-то спереди с головного корабля флота раздались зычные крики – впереди виднелись паруса вражеского флота.

– Ну-ка парни, живо паруса спустить, – руководил действиями своей команды Луис, – нечего нам теперь вперёд лезть останемся здесь и посмотрим на зрелище.

Исполнив указание винкона, почти вся команда «Магуса» собралась на палубе и устремила свои настороженные взгляды к горизонту, туда, куда быстро двигалась ведомая Адальриком и каравеллами «Король Роланд» и «Энмарис» колонна энмарисского флота.

– Ты был прав Лайонел, – облизнув ссохшиеся губы, негромко проговорил Флориан, – они и, правда, решили биться с нами. Что ж это смело хоть и крайне глупо.

Однако, несмотря на то что внешне король оставался совершенно спокоен, внутри него маленький, но очень прожорливый червь сомнений, уже принялся за своё излюбленное занятие – точить устои и вливать в дыры страх. В свою очередь винкон Луис, казалось, в один прекрасный день, съевший своего червя, был как всегда беззаботен, весел и скор на язык.

– Ну, теперь-то Адальрик им покажет, куда им тягаться с мощью каравелл и стоящих на их бортах магов, говорю вам, не пройдёт и часа как утлые суденышки хетов отправятся на дно морское кормить акул.

Каким бы болтливым не был Луис, одно он делал очень хорошо, заражал всех вокруг своим настроением. Опасливо глядевшие в сторону уходящего вперёд флота моряки немного расслабились, сначала появились одобрительные возгласы, а вскоре вся палуба озарилась шумными переговорами. Которые сразу же смолкли, едва небо вдали разрежали вспышки огня.

– Неужели их накрыла гроза? – недоумённо воскликнул один из моряков.

– Это всполохи магии, – объяснил происходящее Лайонел, – вероятно два флота вступили в бой.

– И дай Магус, – прошептал Флориан, – чтобы этот праведный огонь опустился на головы предателей.

Отсюда до того места где всю кипело сражение было очень далеко. Резерв, которым командовал винкон Луис, состоял из пяти кораблей – каравеллы и четырёх коггов, но Адальрик был настолько уверен в своей победе, что ещё в Энмарисе при обсуждении тактики возможного боя, выразил сомнения в его целесообразности. Он заявил, что сомнёт корабли хетов своим основным флотом без особого труда. И едва ли кто-то из собравшихся тогда во дворце посмел даже про себя поставить его слова под сомнения. Собственно, именно поэтому Флориан и решил отправиться в плавание, во-первых, он жаждал увидеть обещанную победу Адальрика, а во-вторых, по сути, весь резерв был его личной охраной, которая в случае неудачи могла быстро доставить короля в Энмарис в целости и сохранности. Но об этом сейчас думать нужды не было.

Вслед за огненными вспышками начало волноваться море, каравеллу сильно зашатало из стороны в сторону, так, что некоторые из моряков попадали на палубу.

– Кто-то воспользовался сильной магией стихии воды, – сглотив, предположил Флориан.

Сейчас он был очень рад остаться подальше от боя, ибо даже боялся подумать о том, в каком положении оказались все сражающиеся. Но война и не могла быть мягкой, жестокая по своей природе, она выбирает лишь тех, кого считает по праву достойным себя, остальных же сметает прочь в огромный вечно кипящий котёл смерти.

Время шло, а бой всё не заканчивался. Глаза смотрящих устали вглядываться в силуэты горящих кораблей, никто уже не пытался предположить, где чьё судно, все просто ждали окончания сражения. А больше всех его ждал Меинхард.

До боли сжав своими тонкими пальцами борт, он скорбел о крови своего народа, нещадно льющейся в море, и хотел лишь одного, чтобы тот кошмар, развернувшийся впереди, поскорее закончился. Быть может, там на одном из кораблей Берингар получит свою стрелу, или его пронзят мечом, и тогда всё станет как прежде, и он вместе с Хильдой и их дочерью вернётся обратно в Шлейхт.

Прошёл час, начался второй и лишь когда он достиг своей середины, море успокоилось, а небо вновь стало светлым. Шум боя затих вдали, оставив после себя глухую скорбящую тишину и неизвестность. На таком расстоянии не было ясно, кто одержал победу, а кто опустил все свои надежды на дно.

– Может быть, стоит подплыть ближе? – предложил Флориан.

– Ваш Величество, – глупо улыбнулся ему Луис, – был же приказ без надобности не сниматься с места, если бы Адальрику понадобилась помощь, он бы дал нам знать, а если...

Винкон хотел сказать, что если Адальрик уже мёртв то весьма кстати, что они находятся так далеко, отсюда будет гораздо удобнее ускользнуть от возможного преследования.

– Винкон прав, Ваше Величество, – выразил своё мнение Лайонел, – лучше всего остаться здесь и подождать.

И время замедлилось, казалось, будто оно и вовсе остановилось, заставляя экипажи каравеллы и, стоявших подле неё коггов, пребывать в гнетущем неведении, что всегда было хуже самой ужасной правды. Но всему есть свой итог.

– Кажется, в нашу сторону плывёт корабль, – приложив ладонь «козырьком» над глазами, проговорил Меинхард.

Все стоявшие возле борта впились взглядами в таинственную даль и убедились в правоте слов хета. Оставалось лишь понять, чей это был корабль. А пока его флаг скрывало расстояние, Луис пришёл в движение и подготовил каравеллу к возможному скорому отступлению. От внимания Флориана не ушла поспешная резкость его действий. Вмиг, отбросив глуповатую беззаботность, он стал жесток, требователен и надменен, и во всём этом сквозила неприкрытая, противно обнажённая трусость.

Глядя на Луиса, внутри Флориана зрело настойчивое желание, если на них шёл корабль хетов, выйти вперёд и дать ему бой. Он понимал, как это было рискованно, понимал, что мог погибнуть, но лучше уж встретить смерть лицом, нежели бежать от неё поджав ноги и прослыть бесхребетным королём-трусом. Подумав об этом, он уже хотел было отдать такой приказ, как вдруг тот же Меинхард, у которого зрение было зорче, чем у остальных (ещё одна особенность «звериного» организма хетов), лишил его возможности погеройствовать.

– На их флаге саламандра, это ваш когг, Ваше Величество.

Вскоре это стало видно и всем остальным. А ещё через некоторое время тайное, наконец, стало явным. Лица моряков когга были измученными и уставшими, но всё равно довольными. Это была победа, тяжёлая, жестокая, но уверенная. Флот хетов был разбит, а величие Энмариса восстановлено. Теперь уже никто не мог недооценивать их мощь, и все кто сомневался в нём, поняли, что король Флориан не бросает слов на ветер. Если он пообещал отомстить и вернуть на острова справедливость, то он это сделает, чего бы ему это ни стоило.

Глава 4. Урсол

Белые пушистые облака мерно текли по лазурному полотну тёплого летнего неба. словно одинокие странники, они продолжали свой путь к вечности, не имея цели, и не пытаясь достичь чего-то, просто уносились вдаль, подгоняемые лёгким ветром и, пропадая из виду, терялись в небесных пространствах. Они посещали места, где никогда не бывала нога человека, сонно взирали на моря и океаны, иной раз, случайно столкнувшись друг с другом, они накрывали их дождём, а потом, как ни в чём не бывало, продолжали свой путь дальше, туда, где правила неизвестность...

Харманд любил наблюдать за облаками, в лицезрении их он находил успокоение, которое в последнее время было ему необходимо. И достичь его он мог только здесь, на вершине одной из гор, там, где небо сливается с землёй. Только здесь он мог успокоить себя и таящегося внутри зверя.

За последний год его жизнь полностью изменилась. Прежние страхи и неуверенность, которые заставляли его верить в то, что его жизнь оборвётся после испытаний, ушли, оставив после себя место тому, что было для него непривычно новым и неизведанным.

Став урсом, вместе с даром он получил одобрение и уважение остальных представителей клана. Все они, те, кто ещё совсем недавно насмехались над ним и относились к нему, как к парню, которого не стоит запоминать, ведь его скоро не станет, признали свои ошибки и постарались их исправить.

Больше всех Хармандом гордился отец. Сразу после того как его сын не разорвал себя на части, как это сделал Экехард, Уолахфрид, поднял его на свои могучие руки и начал с радостным рёвом подкидывать в воздух, всё приговаривая о том, каким он стал тяжёлым.

Харманд был рад, что смог оправдать возложенные на него надежды, но где-то глубоко внутри он помнил, что раньше отец в него не верил, помнил, что говорили ему вслед другие урсолы, и относился к их похвалам с едва заметным холодком.

Остальные урсолы сразу же объяснили ему как себя нужно вести с новым даром, в частности, много есть, много пить, временами давать волю ярости, да и, в общем-то, всё. Они жили так веками и не пытались ничего изменить, Харманду же такое обращение с даром показалось примитивным и поверхностным.

Уже в первые дни, будучи урсом, он понял, что он теперь был не один. Такого ощущения не было, когда он был волком, способность к оборотничеству у него, как и у всех хетов была подобна одеванию на себя новой одежды, вот ты человек, а вот уже волк. С медведем же всё было совершенно иначе. Он был словно ещё одной сущностью, поселившейся в его голове.

Харманд отчётливо помнил свои первые превращения, и вспоминал их с содроганием, ведь это был настоящий кошмар. Он не мог их контролировать, а на какое-то время и вовсе словно лишался разума. Всё внутри жаждало рвать, крушить и метать и он никак не мог совладать с этими желаниями. Что ещё хуже так это то, что медведь проявлял себя тогда, когда сам хотел этого, не важно был ли Харманд в своей спальне, за столом или в окружении других урсолов, если медведь хотел, он приходил и брал контроль над его телом.

Старшие урсолы советовали заглушать его крепким мёдом, и поэтому часто упивались до такого состояния, что потом несколько дней были бессильными овощами и медведь их не трогал. Харманду же это не подходило, он хотел понять своего медведя, определить его желания и попробовать найти с ним общий язык.

Для этого он часто уходил из поселения, скитался по горам, где пытался отыскать нового себя, того, кто больше не боится испытаний и выбирает жизнь исследователя, а не существо-

вание пьяницы. Отец поддерживал искания сына, сам он в молодости смог приструнить своего медведя, и говорил об этом так:

– Для того чтобы быть настоящим урсом нужно иметь твёрдый характер и негибкую волю, покажи медведю внутри себя чего ты стоишь, и он начнёт тебя уважать. И не иди по пути забвения, оно помогает, но ненадолго, лучше продемонстрируй ему свою силу, как это сделал сам Урсахинг, и тогда обретёшь на всю жизнь верного союзника и доброго друга.

Проще было сказать, чем сделать, Харманд никогда не был наделён отцовской твёрдостью, она почему-то не передалась ему как его старшим братьям, но с другой стороны, они-то как раз испытания не прошли, а ему медведь позволил принять себя. Харманд до сих пор не понимал, как он прошёл испытания, но, к сожалению, ничего о них вспомнить не мог, все воспоминания об этих ночах и днях, кто-то словно вырезал из его памяти, оставив вместо них лишь одну пустоту.

Но как бы там ни было, он прошёл их. А значит, был одним из немногих избранных. Это мотивировало его продолжать свои попытки стать с медведем одним целым. К сожалению, по прошествии почти года он продвинулся не очень далеко. Медведь по-прежнему имел огромную власть над его телом, но, правда, стал постепенно проигрывать в коротких битвах за его разум. Харманд научился, пребывая в состоянии покоя и полного душевного равновесия, не допускать его разнузданные хаотичные порывы. Этого, конечно, было недостаточно, но это было уже хоть что-то.

Беда была в том, что от того, что медведя не выпускали на волю тогда, когда он хотел, когда он-таки вырывался, то устраивал настоящие погромы, а один раз Харманд едва не убил свою мать, его отец в последний момент подоспел к ним и успел отшвырнуть Харманд в сторону. Два медведя надвинулись друг на друга, но Уолахфрид без особого труда одолел сына.

Именно это нападение послужило предлогом для Харманды отложить свою свадьбу. Он всерьёз опасался, что может навредить будущей невесте, такие случаи среди урсов имели место быть, некоторые даже заканчивались гибелью девушек. Поэтому дабы избежать этого, Харманд решил сначала научиться контролировать зверя, а уже потом задуматься о продолжении своего рода. Не все в племени поддержали такое решение, но вождь быстро усмирил недовольных, и Харманд получил своё время, которое уже через несколько недель должно было истечь.

Да, год близился к завершению, и мать Харманды всё чаще начинала заговаривать с сыном о предстоящем торжестве. Празднике для всего племени, к которому он был совсем не готов. Он ведь и сам ещё не до конца понял, кем является, а тут ещё и нужно дать это понимание другому человеку, той, кого он видит в первый раз в жизни. Это пугало его и заставляло больше времени проводить наедине с самим собой.

Как только на Ампулхету опустилось тепло, он стал днями пропадать в горах, возвращаясь домой глубокой ночью. Так он планировал сделать и сегодня, но что-то внутри словно тянуло его вернуться в поселение, какая-то необъяснимая тревога велела спуститься с гор и как можно скорее добраться домой.

Медведь сегодня всё равно молчал и поэтому Харманд решил внять голосу тревоги, и, ещё раз посмотрев на безмятежное небо, отправился в обратный путь.

Уже через несколько часов он вошёл в поселение и сделал это как раз вовремя – у них были гости. Явление настолько редкое, что встретить их вышли все обитатели поселения от детей до старейшин. Подойдя к одному из последних, сухому старцу с длинной бородой, Харманд, сясь разглядеть новоприбывших, спросил:

– Вы не знаете, кто это забрёл в наши земли?

Старейшина что-то прожевал своим беззубым ртом, и смачно сплюнул на землю.

– Карстен пожаловал, – оскалившись, просипел он, – не добрый знак, ох, не добрый!

– Карстен? – переспросил Харманд, он впервые слышал это имя.

– Да, он самый, – старейшина поглядел на сына вождя и понял, что тот не понимает, о ком он говорит, – родной брат белого волка, самый жестокий хет на острове. Поговаривают, что он как-то сцепился с четырьмя чёрными волками и в драке один всем им головы порезал. То, что он здесь у нас появился, означает, что тучи над нами сгущаются, помяни моё слово.

Старейшина отвернулся и медленно поковылял в сторону ритуального круга, туда постепенно двигались и остальные урсолы, Харманд решил от них не отставать. Слова старца ещё больше усилили его тревогу, и он хотел поскорее узнать, что нужно хетам Берингара в их поселении.

Около ритуальных глыб уже собралось много народу, и для того чтобы занять лучшее положение, Харманду пришлось протискиваться через могучие спины урсолов. Наконец пробившись в первые ряды, он увидел сначала своего отца – Уолахфрид, был задумчив и напряжён, а по его лбу из стороны в сторону сновали глубокие морщины, а затем и Карстена. То что это был именно он не вызвало никаких сомнений – лицо хета было покрыто сетью ран и шрамов, нос был сломан, а в волевой подборок не раз прилетало, но судя по тому, как вздувались под лёгкими доспехами мышцы на его руках, его противникам доставалось гораздо больше.

Карстен выказывал нетерпение, поминутно бросая в сторону вождя взгляды, полные злобы, Уолахфрид же напротив был спокоен, он ждал пока подле круга (возле которого всегда состоялись важные для племени советы) не соберётся всё племя. А когда, наконец, последние урсолы заняли свои места, громовым твёрдым голосом, так, чтобы его слышали все и вся, проговорил:

– Сегодня к нам прибыл посланник хёвдинга Берингара, – последние два слова он произнёс быстро и без должного уважения, что не укрылось от пристального взгляда Карстена, – хускарл Карстен, выслушаем же его речи.

Уолахфрид замолчал и кивнул хету, которого урсолы встретили гробовым молчанием. Харманд прекрасно понимал, что было тому причиной. До их поселения вести всегда доходили с запозданием, и прошло несколько месяцев, прежде чем люди-медведи узнали о том, что Берингар вероломно захватил власть на Ампулхете и убил правителя Лордарии короля Роланда. И эта новость вызвала настоящую бурю негодования, урсолы настолько распалились, что готовы были сами идти на Шлейхт свергать предателя и узурпатора. Однако они быстро поняли, что их силы будут недостаточно и попытались узнать о судьбе хёвдинга Меинхарда. Какое-то время никто не знал, жив ли вообще их молодой правитель, но вскоре пришла весть, что он с кёнигин Хильдой находится в Энмарисе, и пыл урсолов немного остыл. Уолахфрид мудро расценил, что выступление против Берингара, который склонил на свою сторону большинство хетов, будет сродни самоубийству и предпочёл остаться в поселении и жить, как и раньше. Но, конечно, вождь урсолов понимал, что рано или поздно кто-то из белых волков явится к ним, и был к этому готов.

Выпрямившись во весь рост, Карстен вышел вперёд и сказал:

– От имени вашего верховного правителя хёвдинга Берингара, я приказываю урсолам вступить в войну против сил Энмариса, – он сделал выразительную паузу и, нервно облизнув губы, добавил: – Пришло ваше время доказать, что видение ульфхеднара было правдивым и помочь хетам достичь величия.

После речи Карстена по толпе прошёлся неодобрительный гул, но Уолахфрид не дал ему перерасти в нечто большее, подняв руку и взяв слово себе.

– Мы ценим ту великую честь, – вождь говорил осторожно, тщательно подбирая каждое слово, – которую оказывает нам хёвдинг, но урсолам ещё не пришло время обнажить свои

когти. Дух медведя молчит и не призывает нас вступить в войну, а его приказы для нас священные.

– Значит ли это, – Карстен сдвинул свои густые брови к переносице, в его голосе стало заметно проявляться недовольство, – что вы отказываетесь выполнить приказ своего повелителя?

– Нет, это не так, – мягко, но уверенно ответил Уолахфрид, – мы лишь говорим о том, что время ещё не пришло, но как только оно настанет, мы сразу же выдвинемся в поход и поможем хетам сокрушить их врага.

Повисла немая пауза. Карстен и Уолахфрид буровили друг друга взглядами, а все остальные, затаив дыхание, ждали, чем всё это закончится. Наконец, хет выдохнул и отвел глаза в сторону.

– Сила урсолов высоко ценится среди жителей этого острова, – сказал он совершенно бесцветным голосом, – и хёвдинг Берингар один из тех, кто безмерно уважает её. Конечно, он хотел бы, чтобы вы присоединились к нему немедленно, но если вы считаете иначе, то... я как простой посыльный могу лишь передать ему ваши слова и надеяться, что в скором времени наша армия получит в свои ряды столь ценное усиление.

Уолахфрид был готов к чему угодно, но точно не к этому. Ни угроз, ни споров, ни бряцания оружием, Карстен был лоялен и учтив, и это не могло не вызвать у вождя урсолов уважение. Поэтому, едва звон голоса его гостя затих, он сразу же позвал его и всю его свиту к столу, отдохнуть и пропустить одну другую кружку крепкого мёда. Но Карстен тактично отказался.

– Я бы и рад остаться здесь с вами, – он улыбнулся и Харманд отметил, что это была худшая улыбка из всех, что он видел, – но дела не ждут, мне нужно возвращаться в Шлейхт.

Вождь не стал настаивать и, пожав друг другу руки, Карстен вместе с сопровождавшими его хетами, вскочили в седла и умчались из поселения, заставив всех его жителей облегчённо выдохнуть.

Харманд дождался, когда отец обмолвится несколькими фразами со старейшинами, а затем подошёл к нему и высказал всё, что тревожило его душу.

– У этого хета взгляд хищника и улыбка лжеца, отец. Стоит ли доверять его словам?

– У нас нет иного выбора, – сумрачно покачал головой вождь, – кроме как положиться на его честь. Конечно, ему не понравилось, что мы не вступили в войну, но, думаю, он не догадался о наших сомнениях насчёт Берингара, да и к тому же он прав, хеты слишком ценят нас, чтобы принуждать к чему-то против нашей воли, поэтому, я думаю, что на этот раз мы выгадали себя время, лишь бы только хёвдинг Меинхард скорее вернулся на эти земли...

Уолахфрид не стал заканчивать свою мысль, но Харманд понял её и восхитился спокойствием своего отца. Когда вокруг мир разваливался на части, он был верен своим убеждениям и готов был стоять за них до конца. В будущем, когда он сам станет вождём, Харманд мечтал иметь такой же железный стержень.

Сын с отцом отправились домой, и вскоре поселение урсолов накрыла ночь.

Харманд проснулся от того, что ему стало слишком душно дышать. Несмотря на то, что лето уже полностью вступило в свои права, горы Менхш никогда не давали жару завладеть Ампулхетой так как Нар-Толисом и, поэтому, открыв глаза, Харманд сначала удивился, а потом вдруг резко понял, что произошло. Из-под двери в его комнату валил густой дым, а просветы в досках освещались отблеском пожара. Их дом горел, его сонный мозг понял это очень отчётливо, а затем последнюю дрёму с него сбил раздавшийся из соседней комнаты женский крик. Не было никаких сомнений, что голос принадлежал его матери. Не раздумывая ни секунды, Харманд вскочил с кровати, вышиб дверь, которую сверху уже начали лизать языки огня, и

оказался в плену серого, тёмного и яркого жёлто-красного. Дым и пламя окутали собой весь дом и Харманд, потеряв ориентацию, начал задыхаться.

Придя в себя, он плотнее зажал нос и рот рукой и наощупь двинулся туда, где была спальня матери. Огонь подбирался к нему со всех сторон, норовив запустить в его тело свои жгучие лапы, но Харманд не останавливался, он должен был спасти мать, и сделал бы для этого всё, что было в его силах. Однако одних сил было недостаточно, добравшись до двери, он так сильно надышался дымом, что не смог отпереть её, сумев лишь привалиться к ней своим «изжаренным» телом. Но в тот момент, когда он ловил ртом последние крохи воздуха и готовился к смерти, рядом с ним возник огромный медведь. Могучий словно стена, он отодвинул Харманд в сторону, в мгновение смял дверь и ринулся внутрь, не прошло и минуты, как он вернулся назад с его матерью на плече. Остановившись подле Харманд, он подхватил и его, а после бросился прочь из их горящего дома.

Несколько жадных глотков свежего воздуха Харманду хватило для того чтобы прийти в себя. Увидев склонённого над собой отца, в облике медведя он был очень грозным и свирепым, Харманд кивнул ему, что мол, с ним всё в порядке, а затем Уолахфрид помог ему подняться и Харманд ужаснулся от того, во что превратилось их поселение.

Почти все дома были объаты огнём, ничего не понимавшие урсолы помогали соплеменникам спастись из пламени только для того, чтобы напороться на меч или стрелу хетов. Хетов, на нагрудниках доспехов которых злобно скалился белый волк.

Карстен, вероломный ублюдок, он вернулся, чтобы предать их мечу. Вернулся, чтобы расправиться с ними, ночью, вероломно и подло как самый настоящий трус. Харманд начал звереть и медведь всё сильнее и сильнее рвался наружу. Он уже готов был ринуться в бой, однако, опустившаяся на плечо тяжёлая рука отца остановила его.

– Харманд, – прорычал Уолахфрид, – я велю тебе собрать свою мать и всех остальных женщин и детей, коих сможешь найти, и увести их прочь из селения.

– Но я – урсол! – гневно возразил Харманд. – И я хочу биться рядом с моим вождём!

– Тебе ещё представится такая возможность, сын мой, – уверил его Уолахфрид, – но сейчас ты должен спасти наше будущее, вывести из селения детей, если они все погибнут, с ними умрут и урсолы.

С этим сложно было поспорить, и Харманд сдался. Наклонившись к жене, Уолахфрид крепко обнял её, а затем кинулся к центру поселения, собирая по пути других урсолов. Харманд как замороженный смотрел ему вслед, пока встревоженный голос матери не привёл его в чувство:

– Давай Харманд, нам нужно уходить отсюда.

Во всеобщем хаосе, накрывшем поселение, выполнить указ отца было не так-то и просто. Все кто не мог сражаться бросились кто куда, и собрать их вместе было делом далеко нелёгким, но Харманд с ним справился. Найдя двух матерей с тремя детьми, он обозначил круг спасения, и все кто прятался, покинули свои укрытия и встали за его могучей спиной. Впервые в своей жизни Харманд ощутил весь груз ответственности, который лежит на плечах вождя. Все эти люди за его спиной могли рассчитывать только на него одного, он был их защитником и проводником, и они слепо доверили ему свои жизни и жизни своих детей.

Собрав вместе всех, кого он смог найти, Харманд принял одно единственно верное на его взгляд решение – бежать к той окраине поселения, где не были слышны звуки боя. Он наивно предполагал, что воины Карстена напали на урсолов лишь с одной стороны, но добравшись до последних пылающих домов, понял что ошибался.

Около десятка хетов в полной броне перекрывали собой единственный путь к спасению, и сердце Харманд забилось так сильно, как билось только тогда, когда он ложился на холодный камень, погруживший его в испытания.

– Нужно вернуться назад, – одёрнула его за руку мать, – поищем другие проходы.

– Я не думаю, что это имеет смысл, – отрицательно покачал головой Харманд, – скорее всего волки Карстена полностью окружили селение.

– И что же нам тогда делать? – всхлипывая, спросил мальчик, которому на вид не было и десяти лет.

Харманд посмотрел на него, затем окинул взглядом стоявших вокруг беженцев и понял, что все они ожидают от него каких-то действий. Он и сам понимал, что только он сможет вывести их из этого положения, и выход у него был только один.

Подойдя к одному из заборов, коих ещё не поглотило прожорливое пламя, Харманд ухватился за него и вырвал из земли шесть крепко сколоченных друг с другом досок. Защита была не самая лучшая, но по крайней мере один пуск стрел она должна была на себя принять. Вернувшись к ожидавшим его людям, Харманд озвучил им свой план, он был прост и ясен:

– Как только я брошусь на них и увязну в драке, вы должны как можно скорее ринуться в освободившийся проход и бежать как можно дальше отсюда, – он посмотрел на темнеющий вдаль лес, – деревья укроют вас от преследования.

– Но как же ты? – выступила вперёд его мать, в её глазах стоял страх. – Сын мой, ты не справишься с десятью хетами.

– Возможно, – согласился Харманд, – но я точно смогу на какое-то время отвлечь их внимание на себя.

– Но ведь... – начала было она, но Харманд тут же её прервал.

– Я принял решение, мама, если так будет суждено, медведь защитит меня, а если нет, то я погибну с честью, защищая свой народ!

Она не стала спорить, лишь горестно покачала головой, а затем крепко обняла его, так, как обнимают когда прощаются навсегда.

Харманд крепче сжал в руках свой импровизированный щит, закрыл глаза, досчитал до десяти, почувствовав медведя внутри, впустил его и бросился на врагов. Его появление удивило хетов, однако они не растерялись и сразу же пустили ему наперерез шесть стрел. Две из них пролетели мимо, а остальные четыре застряли в досках его щита. Времени, чтобы обновить стрелу на тетиве Харманд им не дал. Могучий медведь вклинился в строй хетов и мгновенно смешал его, постаравшись вовлечь в противостояние с самим собой всех находившихся здесь врагов. Сделать это ему удалось с лихвой и, перед тем как на его голову обрушились удары, он успел подумать о том, что его жертва будет не напрасной. Вступив в бой с превосходящим противником, он заранее обрёл себя на гибель. Но, зато, сколько жизней сумел спасти. Эти мысли грели его душу в то время когда враги зашли ему за спину.

Он храбро бился и успел разорвать двоих хетов на части, но их было слишком много, раны становились всё более глубокими силы постепенно оставляли его, и он уже приготовился отправиться в долины предков, как вдруг где-то поблизости раздался рёв нескольких десятков медведей. Хеты ослабили хватку и обернулись только для того, чтобы быть тут же разорванными на части.

Харманд смахнул с век кровь, текущую из рассечённого лба и, к своей радости, увидел рядом отца. Весь израненный, с торчащими из бока и спины обломанными стрелами, он, тем не менее, выглядел довольным.

– Это было храбро, сын мой, – похлопал он Харманда по плечу, – я горжусь тобой, но сейчас всем нам нужно скорее уходить отсюда, хеты Карстена уже наступают нам на пятки.

Харманд оглядел всех собравшихся здесь урсолов, за спинами которых прятались вышедшие из своего укрытия женщины и дети, и отметил как мало их количество, а ведь, скорее всего это были все кто смог выжить. Единственные оставшиеся медведи из его племени. Те, кто сейчас сбегут для того, чтобы в скором времени вернуться и отомстить.

Урсолы кинулись прочь из поселения. Двигаясь хаотичным порядком, они выбежали на небольшое открытое пространство между последними пылающими домами и раскинувшимся

впереди лесом. На этой местности они были как на ладони, и поэтому Уолахфрид без остановки повёл своих соплеменников под тёмные тени мрачных вековых деревьев, которые должны были стать их спасением, но... предали их, укрыв за своими мощными стволами отряд лучников Карстена.

Их появление оказалось для урсолов полной неожиданностью, поэтому они толком не успели среагировать на пуск стрел и крылатые убийцы быстро нашли свои цели. Несколько из них предназначались и Харманду, но сына закрыл собой отец. Быстро оценив обстановку, Уолахфрид прыгнул в бок и загородил его собой. Стрелы прошили его могучую грудь и пригвоздили великого урсола к земле. Презирая опасность, Харманд бросился к отцу, только для того, чтобы услышать его последние слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.